

NRF

Noua Revistă Filologică

Revistă de știință, cultură și civilizație

Anul IV, nr. 1-2 (7-8), 2013

NRF

Noua Revistă Filologică

Revistă de știință, cultură și civilizație Anul IV, nr. 1-2 (7-8), 2013

Fondator: Universitatea de Stat "Alecu Russo" din Bălți, Republica Moldova

Co-fondator: Editura Cartier

Colegiul de redacție:

Co-directori: Gheorghe POPA, Gheorghe ERIZANU

Redactor-șef: Nicolae LEAHU

Redactor-șef adjunct: Ala SAINENCO

Redactori: Cristina IRIMIA (pentru textul în limba engleză),

Elena MOCANU-LĂCUSTĂ (pentru textul în limba română)

Tehnoredactor: Rodica CINCILEI

Consiliul academic:

Uldanai BAHTIKIREEVA (Moscova, Rusia)

Bogusław BACUŁA (Poznań, Polonia)

Ion BĂRBUȚĂ (Chișinău, Republica Moldova)

Eliza BOTEZATU (Chișinău, Republica Moldova)

Alexandru BURLACU (Chișinău, Republica Moldova)

Mihai CIMPOI (Chișinău, Republica Moldova)

Iulian COSTACHE (București, România)

Mircea A. DIACONU (Suceava, România)

Irina HALEEVA (Moscova, Rusia)

Ofelia ICHIM (Iași, România)

Iulia IGNATIUC (Bălți, Republica Moldova)

Vidas KAVALIUSKAS (Vilnius, Lituania)

Maria ȘLEAHTIȚCHI (Chișinău, Republica Moldova)

Galina LUKIANOVA-IVANOVA (Moscova, Rusia)

Eugeniu MUNTEANU (Iași, România)

Maria PLIUȘCI (Kiev, Ucraina)

Josef Maria SALLA VALLDAURA (Lleida, Spania)

Elena SIROTA (Bălți, Republica Moldova)

Libuše VALENTOVÁ (Praga, Cehia)

Rudolf WINDISCH (Rostock, Germania)

Redacția a respectat ortografia autorilor.

Textele sînt avizate de doi recenzenti. Redacția își rezervă dreptul de a decide asupra oportunității publicării materialului oferit de colaboratori, precum și de a solicita autorilor modificările sau completările considerate necesare. Manuscrisele nepublicate nu se restituie.

Revistă trimestrială

Tipar: Presa universitară bălțeană

Tiraj: 50 de exemplare

Adresa redacției:

Noua Revistă Filologică, str. Pușkin 38, Bloc 1, or.Bălți, 3100, Republica Moldova

Tel.: +373 231 52338 / +373 231 52 348

E-mail: noua.revista.filologica@gmail.com, nicolae_leahu@yahoo.com,

asainenco@gmail.com

CUPRINS:

Polina COPACINSCHI. <i>What is lingual country study?</i>	3
Emil HAHAM. <i>Le contenu de l'enseignement des langues vivantes</i>	5
Eva GLEIBMAN. <i>Компонентные расщепления и классификационные объединения</i>	17
Ecaterina JITARU. <i>Проблема отглагольного словообразования во французском языке</i>	28
Mircea IONIȚĂ. <i>От теории предложения – к теории текста</i>	35
Polina KARCEVSKAIA. <i>К вопросу о транспозиции навыков (родной и иностранный язык)</i>	43
Albert MEȚLER. <i>Интеграция дихотомических начал языка в коммуникативном процессе и основные параметры высказывания</i>	50
Guri POLIȘCIUK. <i>Синтаксические связи в предложении и словосочетании (на материале английского языка)</i>	56
Alexandra ROTARI. <i>Некоторые особенности грамматики (морфологии) немецких публицистических текстов</i>	59
Ion SMIRNOV. <i>Quelques aspects de difficultés de traduction</i>	72

Notă: La realizarea acestui număr și-au dat concursul: Eugenia Proțiuc, Lucia Bălănici, Mihail Rumleanski, Lucian Jitaru, Angela Coșciug, Svetlana Filipp, Irina Bulgacova, Diana Grițunic-Mirca, Oxana Chira, Tamara Panaguță.

SUMMARY:

Polina COPACINSCHI. <i>What is Lingual Country Study?</i>	3
Emil HAHAM. <i>The Essence of Teaching Modern Languages</i>	5
Eva GLEIBMAN. <i>Semantic Componential Analysis and Classification Principles</i>	17
Ecaterina JITARU. <i>Verbal Word-Formation Problems in the French Language</i>	28
Mircea IONIȚĂ. <i>From Sentence to Utterance Theory</i>	35
Polina KARCEVSKAIA. <i>The Problems of Skills Transposition (based on native and foreign languages data)</i>	43
Albert MEȚLER. <i>Integration of Dichotomous Language Concept in the Communicative Process Model and the Basic Characteristics of Communication</i>	50
Guri POLIȘCIUK. <i>Syntactical Relations in Sentences and Phrases (based on the English Language data)</i>	56
Alexandra ROTARI. <i>Morphological Peculiarities of the Mass-Media Texts</i>	59
Ion SMIRNOV. <i>Some Aspects of Translation Difficulties</i>	72

Recuperări

Polina Copacinschi
(24.11.1938, Oster Cernigov, Ucraina –
18.06.2006, Bălți)

Studii: Institutul Pedagogic din Kiev, specialitatea
Limba engleză (1961). Angajată a Universității de Stat
„Alec Russo” din Bălți din 1962: lector universitar,
lector superior universitar la Catedra de filologie engleză.

***What is lingual country study?*¹**

Lingual country study of late has become an aspect in teaching a foreign language. Actually, it is based on the cultural function of the language. The language acts as a means of acquiring cultural information of that or another foreign language. A student of a foreign language gets cultural information of the language comparing it with his native culture.

Two national cultures never coincide totally. So, elements of country study must be included in teaching the foreign language. We should deal with a combination of the language in the process of teaching with information on national culture. This kind of teaching can be called as lingual country study teaching. Robert Lado pointed out that „we cannot completely understand the language of the other people until we learn to see it by the eyes of those whom they consider their heroes, for what they struggled and they consider their virtue, courage cause of honour which is worth of praise.” (Lado 1964)

Thus, Declaration of Independence is something much more for Americans than a mere historical document. During some hours of classes a teacher will not be able to teach what a man acquires during all his life as a member of a definite ethnic community, but thoroughly chosen situations can considerably guarantee mutual understanding.

It is true that participants of communication acts should have a definite experience-both linguistic (knowledge of the language) and non-linguistic (knowledge of the background). So, for communication act people should have unity of the language, common social history and a definite speech situation. The knowledge which is in mind of the members of the communicative act got the name as background knowledge. According to Akhmanova „background knowledge is mutual knowledge of realias of a listener an hearer an is the basis of the language communication.” (Ахманова 1969: 536).

¹Text produs după: *Strategii actuale în lingvistică, glotodidactică și știința literară*. Conferința Științifică Internațională consacrată aniversării a 50-a de la fundarea Facultății de Limbi și Literaturi Străine, 15-16 octombrie 2004, vol. III, Bălți, Presa universitară bălțeană, 2004, p. 57-59.

Cultural knowledge is very essential in teaching a foreign language. Tomakhin contributed a lot to the studies of background knowledge is a decisive factor in choice of language means and use of realias in speech.

The role of this knowledge is very important and the absence of this knowledge serves an obstacle in adequate comprehension of speech. Background knowledge common to the members of the language community and which is absent with foreigners got the name country study knowledge. This country study knowledge makes the basis of lingual country study. Here simultaneously with teaching of elements of culture goes teaching of the language. The language appears not only as selection of formal means but as a part of culture when the plane of content is given not less time than the plane of expression.

This knowledge includes the system of the world outlook views which exist in this society, esthetic tastes, norms of verbal and non-verbal behavior and the most important is bigger part of knowledge which have all members of the society. Lingual background knowledge is made as a rule in the process of studies. The role of literature is great. The Russian critic Belinsky called „Eugene Onegin” the encyclopedia of Russian life.

There exist a certain number of works of fiction, folklore which is obligatory for any person of the native culture. Heroes of such obligatory books appear in communication as material for comparisons, analogies and quotations. Besides obligatory books there is a collection of famous songs (particular for each generation), knowledge of which is obligatory for any citizen of the community. For example, the role of the national anthem of Australia is performed by the famous folksong about a knapsack of an Australian vagabond „Waltzing Matilda”. Canada is symbolized by a merry French – Canadian song about a swallow „Alouette”. The famous American song „Yankee Doodle” is connected with war for independence. What an Englishman does not know the song „It’s a Long Way to Tipperary” popular in the years of the World War I. The main problem is the problem of selection of the country study background knowledge. This knowledge should be obtained sooner than it happens in natural condition. Then acculturation of a foreigner will be success.

References

- Robert, L., *Language Teaching. A Sceintific Apporach*, New York, 1964.
Tomakhin, Г. Д., *По Соединенным Штатам Америки // Across the USA*, Москва, Изд-во Просвещение, 1980.
Верещагин, Е.; Костомаров, В., *Язык и культура*, Москва, Изд-во Русский язык, 1990.
Томахин, Г. Д., *Фоновые знание как основной предмет лингвострановедения*, in *Иностранные языки в школе*, 1980, № 4, стр. 84-87.

Recuperări

Emil Haham
 (18.02.1930, Liège, Belgia –
 31.08.1989, Bălți)

Studii: Institutul Pedagogic Limbi Străine, liceale în Leningrad (1952). Doctor în științe pedagogice (1964). Lector superior universitar, conferențiar universitar la Catedra de filologie franceză (1954-1989); șef la Catedra de vorbire și fonetică franceză (1964-1967).

*Le contenu de l'enseignement des langues vivantes*¹

I. Introduction au problème. La méthodologie est la science qui cherche à répondre tout premièrement à deux questions: *Quoi enseigner?* et *Comment enseigner?*

Nous avons à présent à donner réponse à la première question: qu'est-ce qu'il faut faire apprendre pour que l'élève sache plus ou moins facilement parler et lire dans une langue étrangère?

Ce problème ne peut pas encore être considéré comme résolu. Les opinions des méthodologues ne coïncident pas et ne sont pas toujours argumentées de façon convaincante.

Cependant, en dépit des divergences, il y a quelques points communs:

1. Il est tout naturel qu'on fasse apprendre *le matériel linguistique*: le minimum lexical, grammatical et phonétique. Le professeur S. Chatilov précise à juste raison qu'il s'agit du matériel répondant aux besoins de la communication et *des règles* sur les opérations à faire avec ce matériel.

Certains méthodologues affirment qu'il faut apprendre la phonétique, la grammaire, le lexique. C'est moins exact, car les deux premiers termes désignent des sciences ayant leurs objets d'études: la prononciation et la structure de la langue. Or, ce qu'il faut faire assimiler dans des buts pratiques n'est point la phonétique ou la grammaire, mais justement la prononciation et la structure.

2. Tous les méthodologues, à part le professeur I. Rakhmanov, mentionnent *les facultés et les automatismes* en tant que composants du contenu d'enseignement. Remarquons que ces deux notions sont presque toujours nommées ensemble. C'est que traditionnellement en psychologie et en méthodologie les facultés et les automatismes figurent comme des phénomènes de même nature, comme des actions à différents degrés d'automatisation. Les facultés supposent la mise en œuvre de la conscience, les automatismes fonctionnent sans que celle-ci se manifeste. On précise encore qu'il s'agit des actions dirigées sur le maniement du matériel linguistique.

¹Text reproduș după: Haham, E., *Metodica predării limbii franceze în școala moldovenească*, Chișinău, Editura Lumina, 1984.

Aujourd'hui cette position demande à être rectifiée dans le sens de distinguer nettement les deux termes (facultés et automatismes) pour indiquer deux phénomènes à travailler spécialement (v. plus bas).

3. Les méthodologues optent encore pour *les textes* en tant que modèle de langage parlé et écrit. Certains veulent préciser le terme le présentant comme «matériel du langage» (opposé au matériel de la langue) à différents volumes de production: phrases-types (frazе-tip), modèles de langage (modele de vorbire), unités dialogiques (unități de dialog), micromonologues, séquences (unități superfraziale) et textes proprement dits.

Précisons qu'il s'agit d'un matériel qu'on demande d'utiliser et de faire apprendre comme modèle.

4. Et enfin, il y a *les thèmes*. L'attitude des méthodologues envers les thèmes comme composant du contenu de l'enseignement est différente. Les uns exigent de les faire apprendre tels quels. Les autres, la plupart, insistent sur l'organisation, par thèmes, du matériel de langage (phrases-types, textes) ou de l'enseignement du parler et de la lecture. Cette incertitude est significative, elle aura plus bas son interprétation.

Il y a encore des méthodologues (I. Bim, E. Choubine) qui désignent les exercices comme ayant rapport à notre problème. Mais ils ont en vue plutôt le contenu *du processus* de l'enseignement, car il est difficile de se représenter qu'on apprenne les exercices.

Donc voici la réponse générale à la question «quoi enseigner?»: le matériel linguistique, les règles, les facultés et les automatismes, les phrases-types et les textes à différents niveaux de volume, les thèmes.

Cette réponse ne peut pas satisfaire tout à fait. Ceci nous oblige à entamer une nouvelle voie de recherches. Notre point de départ, c'est la position établie que nous enseignons une langue étrangère dans des buts pratiques, c'est-à-dire en tant que moyen de communication. De là, le titre et le contenu du chapitre suivant.

II. La communication et la langue. La communication c'est l'échange d'information entre les gens. Au moyen de la langue, elle peut se réaliser soit par la voie orale, soit par la voie écrite. Dans le premier cas il s'agit de deux activités communicatives: le parler et l'audition; dans le deuxième cas, il y a deux autres activités communicatives: l'écrit et la lecture. En tout, quatre moyens de communication.

Quel que soit ce moyen, son objet c'est l'information. Celle-ci peut être transmise à distance par le locuteur (celui qui parle) ou par le scripteur (celui qui écrit). Ces derniers sont des communicants produisant des textes qu'ils adressent à leur destinataires: à l'auditeur et au lecteur. L'auditeur est celui qui extrait l'information du texte ouï, du texte auditif. Le lecteur est celui qui extrait l'information du texte écrit. Ce sont deux types de communicants qui s'occupent chacun à déchiffrer leur texte, à le comprendre.

Ce qui est dit jusque là demande de donner une définition exacte au terme «information». Nous savons déjà qu'elle fait l'objet de la communication. Précisons maintenant ses propriétés. Voici une opinion à noter:

«Информативность высказываний одного участника коммуникации для другого выражается: 1) в сообщении новых, до сих пор неизвестных партнеру фактов или 2) в собственной оценке знакомых всем участникам коммуникации сведений, в выражении личного отношения к тем или иным фактам» (Гиниатуллин *et alii* 1973: 73-74).

Donc, une information c'est un renseignement qui représente du nouveau pour le communicant-destinataire, que ce soit une nouvelle encore inconnue ou l'opinion personnelle du communicant-expéditeur.

Méthodologiquement, cette première caractéristique de l'information est d'importance décisive. Un enseignement effectif d'une langue vivante doit porter sur ce qui est informatif, doit faire effectuer des opérations avec de l'information en tant qu'objet de la communication. Ce qui veut dire:

1. Apprendre à parler ou à écrire, c'est apprendre à *transmettre de l'information* par la voie orale ou par la voie écrite.

2. Apprendre à lire ou à ouïr (comprendre la parole orale), c'est apprendre à *extraire l'information* d'un texte écrit ou prononcé.

La deuxième propriété de l'information, c'est son caractère idéal. L'information est idéale. C'est facile à le comprendre, sachant que toute seule, d'elle-même, télépathiquement, elle ne peut pas «aller» directement de la tête d'un communicant à l'autre.

Pour la rendre transportable, l'information doit être matérialisée, «habillée». Dernièrement on utilise les termes «coder-décoder l'information», «codage-décodage de l'information».

Les moyens de codage peuvent être différents. Il y a, par exemple, les panneaux routiers qui sont les informateurs fidèles des conducteurs de voitures. Il y a la peinture et la musique par lesquelles les artistes transmettent leurs visions du monde, leurs états d'âme, leurs pensées même.

Mais le moyen le plus sûr, permettant le codage des idées et des sentiments les plus profonds et les plus nuancés, c'est la langue, un système parfait et très riche en signes de codage. Un système que l'humanité entière et chaque peuple à part ont perfectionné durant toute leur histoire à partir des premiers «balbutiements» de nos ancêtres primitifs.

Jusqu'à présent il était question de codage pour souligner le caractère idéal de l'information. Mais remarquons que tout codage doit être suivi de décodage: si quelqu'un parle c'est qu'il se sait écouté; si quelqu'un écrit, c'est pour être lu.

La langue est un système si riche et si bien organisé qu'elle répond à tout besoin communicatif.

Les signes que nous utilisons pour le codage oral ne coïncident pas à ceux du codage écrit. Pour parler nous «habillons» notre pensée de syllabes, de mots, de structures de propositions essentiellement simples. Pour écrire nous n'avons pas besoin de syllabes articulées, nous utilisons les lettres, nous choisissons les mots et les structures qui sont spécifiques au style écrit.

Les signes du décodage se distinguent davantage. Pour comprendre ce qui est écrit il faut savoir identifier les lettres, les mots d'après leur image graphique, les traits distinctifs de l'information grammaticale des propositions que nous lisons. Les signes permettant le décodage de l'ouï, les signes de l'audition, sont aussi spécifiques. Il n'y a qu'à comparer ceux de la réalisation «technique» des moyens communicatifs. Pour l'audition ce sont les phonèmes; pour le parler, les syllabes; pour la lecture et l'écrit nous avons les lettres qui sont, dans le premier cas, à sonoriser (rapports graphico-phonologiques, système orthoépique de la langue), dans le deuxième, à utiliser pour l'enregistrement des phonèmes (rapports phonologographiques, système orthographique de la langue).

Chacun des quatre moyens communicatifs a son propre système de signes de codage ou décodage de l'information. Si notre but scolaire est d'apprendre à parler et à lire, il faut donc faire assimiler un volume suffisant de signes permettant le codage oral de l'information à transmettre et le décodage de l'information introduite dans les textes écrits (Haham 1984: 60-118; 139-166).

Cet ensemble de signes (phonèmes, lettres, syllabes, mots, structures, traits distinctifs) c'est le matériel linguistique à faire assimiler, c'est ce qui fait le premier composant du contenu de l'enseignement des langues vivantes.

III. Les mécanismes de la communication. La communication, dans trois de ses réalisations, le parler, l'audition et la lecture (l'écrit porte un caractère particulier, ce qui, à mesure, s'éclaircira), peut s'effectuer normalement à condition que le processus du codage ou décodage de l'information ne détourne pas l'attention du communicant. C'est incontestable.

Celui qui parle dans sa langue maternelle pense uniquement au contenu de sa parole, à ce qu'il dit. La forme, c'est-à-dire, les mots, leurs structures morphologiques, les structures syntaxiques des propositions, cela «s'arrange de soi-même» sans que le locuteur y pense.

La forme, précisons-le, c'est le résultat du codage, c'est «l'habillement» de l'information.

Celui qui lit un texte dans la langue maternelle, cherche à comprendre le contenu. Il ne fait point attention aux lettres, aux mots, à la structure des propositions, à ce qui constitue la forme du texte. Il n'y pense pas. Pourtant le contenu ne se dégage pas de lui-même. Il faut que, durant la lecture, s'effectue le processus du décodage de l'information du texte. Et que ce processus ne détourne pas, comme il l'est dit, l'attention du lecteur «absorbé» par le contenu.

Donc, ni le locuteur ni le lecteur, ou plutôt leur attention, ne s'occupent pas de la forme, du codage ou du décodage de l'information.

Nous devons constater: 1) que ces processus de codage et décodage sont inévitables pour rendre «transportable» l'information et 2) qu'ils s'effectuent sans la participation de la conscience des communicants (à part le scripteur à qui est donné le temps de réfléchir sur la forme de l'expression écrite).

Une action effectuée inconsciemment est appelée d'habitude automatisme. Comme nous voyons, la communication serait irréalisable sans automatismes, sans ces multiples actions de codage et décodage de l'information.

Seulement, il est très important de se rendre compte que le phénomène des actions «qui se font d'elles-mêmes» n'existe pas dans la nature: *toute action a son agent*.

Les agents du musicien-virtuose sont ses doigts accomplissant des actions automatisées au plus haut degré. Ceux du sportif conduisant à toute allure sa voiture de course, ce sont ses mains et ses pieds qui eux aussi fonctionnent automatiquement, leur propriétaire étant occupé par ce qui se passe sur la piste.

Analysant le processus du codage oral de l'information nous avons mentionné l'action du choix des mots, l'action de leur arrangement en propositions, l'action d'articuler les syllabes, ainsi de suite. Le processus du décodage est aussi le résultat de multiples actions, et chacune a son agent. Dans la théorie de la communication ces agents du codage et décodage sont appelés mécanismes, les mécanismes de la communication.

Leur réalité objective ne fait pas de doute, surtout étant données les dernières recherches psycholinguistiques et neuropsychologiques.

Ch. P. Bouton, auteur de plusieurs ouvrages sur l'enseignement des langues vivantes aux adultes, écrit: «... Le comportement verbal dépend de mécanismes plus ou moins profondément automatisés et relevant de l'activité du cerveau, en particulier du cortex. Ces mécanismes seuls conditionnent l'élaboration et la production du discours, au moment de l'émission, aussi bien que son interprétation, au moment de la réception. La compétence verbale de chaque sujet se ramène donc à un comportement dynamique intégré au plus profond de l'activité nerveuse supérieure» (Boulon 1974: 101).

A. A. Léontiev, un des fondateurs de l'école psycholinguistique en Union Soviétique, détermine les étapes suivantes dans la production de la parole ou, expression synonymique, dans la verbalisation de la pensée. D'abord il y a l'orientation, l'intention de dire quelque chose; ensuite vient la programmation par idées imagées qui mettent en fonction les mécanismes réalisant le programme par l'intermédiaire des signes linguistiques de codage: «... От программы мы переходим к ее реализации в языковом коде. Здесь мы имеем ряд механизмов, в совокупности обеспечивающих такую реализацию» (Леонтьев 1974: 27). L'auteur fait comprendre que le codage de la pensée est assuré par les mécanismes du choix des mots, ceux de la construction des propositions, ceux de la réalisation motrice, la prononciation. Dans ce même livre est précisée la nature psychophysologique des mécanismes et leur caractère autonome (*ibidem*: 161).

I. A. Zimniāia, psychologue soviétique très connu, sous le terme de «mécanisme de la parole» comprend un ensemble d'automatisme assurant la réalisation physique de l'énoncé (Зимняя 1977: 128).

Les recherches neurophysiologiques de A. R. Louriya, savant éminent de renommée mondiale, lui permettent de faire non seulement la conclusion que les processus du codage et décodage se réalisent dans différents secteurs du cerveau, mais que les aspects linguistiques de chacun de ces processus sont localisés. De sorte que s'il y a, par exemple, lésion du centre grammatical de la parole, le malade ne peut s'exprimer que par mots isolés dans leur première forme (ce qui s'appelle «le style télégraphique») sans pouvoir construire des propositions ni changer la structure morphologique des mots. L'auteur a découvert les centres phonologiques, articulatoires, grammaticaux, lexicaux fonctionnant indépendamment l'un de l'autre (Лурия 1975).

Nous pouvons déjà faire la conclusion suivante.

Chaque moyen communicatif, pourvu de son système de signes linguistiques, a, pour se réaliser, son ensemble de mécanismes. Quand on possède parfaitement une langue, ces mécanismes fonctionnent automatiquement réalisant les opérations du codage ou du décodage de l'information en utilisant les signes de la langue dans laquelle s'effectue la communication.

On peut encore constater que chaque moyen communicatif se réalise grâce au fonctionnement de trois séries de mécanismes.

Pour pouvoir parler, il faut que s'effectue le choix des mots significatifs: c'est la fonction des mécanismes lexicaux; il faut que ces mots occupent leur place selon les normes syntaxiques de la langue dans laquelle on s'exprime et qu'ils s'y arrangent dans leur structure morphologique nécessitée par le contexte grammatical (par exemple: «je suis» et pas «je être»): c'est la fonction des mécanismes grammaticaux; enfin, la proposition construite (mots + structures), elle doit trouver sa réalisation physique dans une suite de syllabes, chacune sur un ton prévu par la structure intonatoire de cette proposition: c'est la fonction des mécanismes phonétiques.

Le décodage de l'information des textes à lire est aussi réalisé par trois séries de mécanismes. Ceux qui identifient les lettres et enregistrent les rapports graphico-phonologiques (le processus de la sonorisation des textes) s'appellent les mécanismes orthoépiques. Ceux qui révèlent l'information grammaticale de la proposition écrite d'après les traits distinctifs (par exemple: «les cahiers» – substantif déterminé par l'article, substantif au pluriel déterminé par l'article du pluriel et par la terminaison «s»), ce sont les mécanismes grammaticaux de la lecture. L'identification de l'image graphique des mots significatifs et l'association au sens qu'elle porte (reconnaître le mot et se rappeler ce qu'il signifie) c'est la fonction des mécanismes lexicaux de la lecture.

La réalisation de l'audition et de l'écrit de même est assurée par trois séries de mécanismes (Haham 1984: 190-191).

Donc, la communication étant l'échange d'information dont le codage et décodage linguistique est réalisé automatiquement par les mécanismes, nous constatons leur rôle décisif: sans eux il est impossible de parler, d'ouïr, de lire.

L'écrit aussi a ses mécanismes, mais leur fonctionnement automatique n'est pas une condition obligatoire, car le communicant-scripteur a le temps de réfléchir, de construire ses phrases consciemment, en choisissant avec soin les mots, en faisant et refaisant les propositions, en se rappelant les règles orthographiques. Pourtant un scripteur expérimenté produit son texte assez vite, sans trop se soucier de la forme la sachant, la ressentant correcte. Ce qui est preuve indirecte d'une activité automatique, ou semi-automatique, des mécanismes de l'écrit.

Enfin, une dernière constatation concernant les mécanismes: tout comme la langue, ils se forment en même temps que se produit l'assimilation de la langue par le communicant. Ceci est juste autant pour la langue maternelle que pour la langue étrangère: «...Речевого механизма отнюдь не является заранее данной системой элементов, приходящей в действие в определенный момент: он формируется в процессе присвоения языка как объективной системы» (Леонтьев 1969: 23).

Donc, les mécanismes de la communication sont à former et à faire fonctionner automatiquement. Ils représentent chacun une formation de nature neurophysiologique ayant pour fonction le codage ou le décodage linguistique de l'information, assurant par cela même la communication. Ils constituent le deuxième composant, d'importance décisive, du contenu de l'enseignement des langues vivantes.

IV. La norme et les mécanismes. Il est à supposer que si les processus communicatifs se réalisent facilement, c'est que les mécanismes de la communication fonctionnent automatiquement sans violer les normes de la langue.

Quand l'enfant assimile sa langue maternelle, il apprend intuitivement à respecter les normes que lui imposent les adultes de son entourage. S'il se trompe dans la prononciation, dans le choix d'un mot, dans la construction de sa phrase, on le corrige en lui présentant le modèle qu'il tâche d'imiter.

Que faire au cas d'une langue étrangère qu'on commence à enseigner à un élève de 10 ou 11 ans? Dans l'histoire de la méthodologie il y a eu des tentatives d'apprendre à parler une deuxième langue en faisant imiter les modèles. Elles ont échoué. A cet âge les capacités imitatives sont déjà réduites, et on n'a plus le temps que possède l'enfant de 1 ou 2 ans. Celui-ci, n'a qu'un seul but dans sa petite vie: comprendre et se faire comprendre, assimiler au plus vite la langue pour entrer dans la communauté humaine. A 11 ans on est élève, on a une dizaine de matières à apprendre, de 5 à 6 leçons à travailler en classe par jour, sans compter les devoirs et multiples autres occupations.

Donc, former les mécanismes et les faire fonctionner correctement par pure imitation à l'école secondaire, c'est une tâche impossible.

Puisqu'il s'agit d'automatiser le fonctionnement correct des mécanismes, on se voit obligé de l'expliquer tout d'abord. On donne la règle. Il y a à souligner ici avec instance qu'il ne s'agit pas de règle traditionnelle qu'on fait apprendre par cœur et qui fait l'horreur de la vie scolaire des enfants. Il s'agit plutôt d'une indication sur le fonctionnement d'un mécanisme, indication que l'élève doit suivre et pas reproduire verbalement. Par exemple, les indications sur l'articulation de la voyelle „y”, sur la

formation du Passé composé, sur l'emploi de tel mot, sur la sonorisation de telle lettre, groupe de lettres etc. Ces indications expliquent comment faire, comment s'y prendre pour exécuter correctement une action qui doit être le résultat du fonctionnement d'un mécanisme à former.

On peut faire la conclusion que l'enseignement pratique d'une langue étrangère doit commencer par ces indications et qu'elles font son troisième composant.

V. Les facultés communicatives et les automatismes. Les facultés communicatives ce sont les capacités intellectuelle de l'homme d'entrer activement dans la communication orale ou écrite au moyen d'une langue.

La faculté du parler, le savoir-parler, c'est la capacité de transmettre de l'information par la voie orale. De même pour la faculté de l'écrit qui est la capacité d'enregistrer l'information sur du papier.

La faculté de la lecture, le savoir-lire, c'est la capacité d'extraire, de comprendre l'information «cachée» dans les textes écrits. Pour la faculté de l'audition, c'est la capacité de comprendre ce qui est dit à haute voix.

Donc, posséder les facultés communicatives c'est savoir, c'est être en état d'effectuer des opérations avec de l'information. Faut-il les travailler spécialement? Assurément. Elles sont une réalité objective facile à révéler.

Prenons, par exemple, l'écrit. Est-ce que tout le monde sait écrire? On peut bien savoir écrire correctement, sans se tromper sur l'orthographe des mots, ni sur leur arrangement en propositions, et pourtant ne pas savoir écrire. Rappelons-nous Georges Durois, le Bel-ami, qui n'a pas su rendre par écrit ses aventures d'Algérie. Rappelons-nous la devise très ancienne des écrivains: «Nulla dies sine linea» (aucune journée sans avoir écrit une ligne). Ce n'est pas pour l'orthographe ou la grammaire. C'est justement pour développer, ou, du moins, pour conserver les facultés d'écrire, de savoir rendre par écrit de l'information. Voilà pourquoi on distingue ceux qui savent bien écrire, bien s'exprimer (par exemple, les écrivains et les poètes) de ceux qui ne le savent pas trop bien.

Savons-nous tous lire? Le grand poète allemand J. W. Goethe affirmait que savoir lire c'est l'art le plus difficile et que lui-même, durant toute sa longue vie, il apprenait à lire. En effet, les écoliers et les étudiants connaissent bien ce phénomène: les mots et les propositions du texte sont compris, mais que veut dire le texte en entier, on n'arrive pas à le comprendre.

Quand l'étudiant sait mieux parler? à la fin de sa deuxième année d'études ou au commencement de la troisième? Pendant les vacances d'été il a perdu en quelque mesure ses facultés de parole. Il a pu conserver sa prononciation, sa syntaxe, son vocabulaire. Mais à la rentrée, il éprouve certaines difficultés à s'exprimer. Ce n'est que plus tard, durant les cours, qu'il se rattrape, sans même avoir enrichi sa langue. A force de s'exprimer on améliore sa parole.

Ce qui est dit fait preuve que les facultés communicatives se manifestent objectivement et qu'elles demandent un enseignement, un système d'exercices spécial.

Les rapports entre les facultés communicatives et les automatismes sont très étroits. Précisons seulement que le terme «automatisme» signifie le fonctionnement automatique des mécanismes de la communication. Si, par exemple, durant la parole, le codage de l'information n'occupe pas notre conscience, c'est que les mécanismes fonctionnent au niveau des automatismes. Donc, ceux-ci sont considérés non comme le contenu, mais comme un des buts de l'enseignement.

Les facultés communicatives sont conditionnées par le fonctionnement des mécanismes: plus ce fonctionnement est facile, mieux peuvent se manifester les facultés. De sorte que l'acquisition des automatismes garantit la possibilité d'atteindre les plus hauts degrés du développement des facultés. C'est comme pour le musicien: plus haute est sa technique, mieux il peut jouer, interpréter l'œuvre musicale.

Donc, les automatismes garantissent le développement des facultés, mais ne le réalisent pas. Les facultés doivent avoir le propre système d'entraînement. Le musicien qui n'a que de la technique n'est jamais un vrai musicien. Il faut qu'il sache rendre «l'âme» de la pièce qu'il joue. La technique seule est insuffisante, il faut posséder les facultés, le talent. De même pour la communication par l'intermédiaire de la langue, comme il l'a été illustré plus haut.

Donc, les distinctions entre les facultés communicatives et les automatismes de la communication sont nettes:

1. Les automatismes, ce sont des actions effectuées par leurs «agents». Pour notre cas, ceux-ci s'appellent les mécanismes de communication.

Les facultés ne sont pas des actions, ce sont les capacités d'effectuer des actions. Posséder les facultés communicatives c'est être en état de réaliser la communication. Elles peuvent se manifester dans l'activité communicative, mais elles ne la remplacent pas: on peut savoir parler français, même si, à cet instant, on ne parle point du tout.

2. Les automatismes de la communication sont des actions effectuées par les mécanismes sans la participation de la conscience. L'objet de ces actions ce sont les signes linguistiques du codage ou décodage de l'information.

Les facultés communicatives se manifestent dans les opérations que subit l'information, l'objet de la communication ayant rapport direct à la conscience. Quand on parle ou l'on écrit, c'est la conscience qui «produit» l'information: on pense à ce qu'on veut exprimer. Quand on lit ou l'on ouït, on «extraît» l'information pour l'introduire dans la conscience: on tâche de comprendre ce qui est écrit ou dit. Il est impossible de parler ou lire inconsciemment, automatiquement.

3. Le fonctionnement des mécanismes est à automatiser: d'abord on exécute l'action consciemment pour venir, par la suite d'une série d'exercices, au niveau de l'automatisme. Il est tout logique, par conséquent, de faire cette conclusion: tant que les mécanismes fonctionnent sous contrôle de la conscience, il n'est point question d'automatismes; ceux-ci sont un but de nos efforts, un but à atteindre: on ne les enseigne pas, on les acquiert.

Les facultés sont à développer avec la participation constante de la conscience.

Elles font le quatrième et dernier composant du contenu de l'enseignement des langues vivantes.

VI. Au sujet des phrases-types, des textes et des thèmes. Ceux qui les déterminent comme composants du contenu de l'enseignement supposent les faire apprendre.

1. *Les phrases-types* sont des propositions sur le modèle desquelles l'élève doit en composer d'autres. Ce travail tourne aux exercices de substitution: dans le modèle on remplace des mots par d'autres. Par exemple: *Nina lit un livre* = *Nina* (Lili, papa, mon frère) *lit* (ferme, ouvre, prend) *un livre* (un journal, un texte, un manuel). Puisqu'on s'exerce dans le choix des mots, nous avons affaire à un exercice lexical qui fait imiter le fonctionnement des mécanismes lexicaux de la parole. Pour ces derniers l'exercice est quelque peu profitable, mais on a tort de croire qu'il fera assimiler le modèle et surtout qu'il apprendra à construire des propositions. Le travail orienté sur les phrases-types les fait plutôt apprendre par cœur, ce qui améliore la mémoire et pas les facultés communicatives. Cependant, au niveau des phrases, il faut assimiler leurs structures, l'«habillement» grammatical de l'information à transmettre (Haham 1984: 62-66).

D'habitude on travaille les phrases-types pour apprendre à parler, c'est-à-dire, comme matériel linguistique de la parole. Si c'est ainsi, alors il faut préciser le matériel du même niveau pour les autres moyens communicatifs, ce qui ne se fait pas. Si, par contre, elles sont supposées comme matériel linguistique global, alors il y a discordance avec les données de la science affirmant qu'il soit rare qu'on parle et qu'on écrive de la même façon, par les mêmes phrases.

2. *Les textes* (proprement dits, les séquences et même ceux au niveau des phrases isolées et indépendantes), qu'ils soient écrits ou auditifs représentent le produit créateur d'un communicant désirant transmettre une information et possédant la langue dans laquelle il compose ses textes.

Si on les accepte comme composant du contenu de l'enseignement pour les faire apprendre, on condamne les élèves à une besogne interminable et pas moins inutile que celle de Sisyphe: leur quantité est pratiquement incalculable.

Mais si on ne les fait pas apprendre, si on les présente comme modèle, l'efficacité méthodologique de ce travail, plutôt contemplatif, ne sera pas trop grande: on fera admirer ce texte, à moins qu'il soit digne de l'être. Cependant l'essentiel n'est pas là.

Celui qui a créé son texte a fait preuve qu'il possède la langue dans le domaine du parler ou de l'écrit. C'est son texte à lui. Quand on possède une langue, on est capable, chacun à son niveau, de créer des textes, de verbaliser oralement ou par écrit ses pensées. En quoi consiste notre enseignement: faire apprendre les textes d'autrui ou apprendre à créer ses propres textes?

Il doit être clair que notre tâche est d'apprendre à nos élèves à créer, à produire leurs propres textes en tant que résultat du codage linguistique de leurs propres

pensées. On doit leur apprendre à s'exprimer par les moyens de la langue qu'ils étudient. Les tentatives d'égaliser les modèles, ce qui est ridicule et pas trop modeste, sont vouées à l'échec. Et cela, même dans la langue maternelle, sauf au cas de l'élève exceptionnel possédant un talent égal à celui qui a créé les modèles.

Est-ce que cela veut dire qu'il faut éliminer les textes du système de l'enseignement? Il y a eu des propos pareils et il y a eu manuels sans textes qu'on a remplacés par des phrases-types, qui a fait grand tort à l'enseignement des langues.

Tout d'abord, avec les textes on apprend à lire, surtout s'ils sont informatifs et intéressants. Ensuite, on les utilise pour organiser la parole des élèves: des questions faisant réfléchir, des réponses aux «Pourquoi?», des impressions, etc. Dans tous ces cas le texte est *un moyen* d'enseignement. Mais il n'est nullement composant contenu de l'enseignement.

3. *Les thèmes* ne peuvent pas être une réponse à la question *Quoi enseigner?*

Quand il s'agit d'autres matières, exigeant l'assimilation des connaissances, on les apprend par thèmes. Si c'est l'histoire, il y a des thèmes: «La Commune de Paris», «La Première Guerre mondiale», «La Grande révolution socialiste d'Octobre», ainsi de suite. Si c'est la géographie, déjà chaque pays représente «son» thème, sans parler d'une quantité d'autres. Ce sont des thèmes qu'on apprend réellement, d'après lesquels on fait assimiler de l'information concrète.

Comparons-les au thème «La famille» d'une leçon de français. Est-ce qu'on y étudie vraiment ce que c'est qu'une famille? Sûrement non, car c'est un thème sociologique. On y apprend les termes: papa, maman, la sœur, le fils, etc. C'est du vocabulaire.

Donc, les thèmes sont plutôt un principe d'organisation du vocabulaire à assimiler ou un principe d'enseignement. De toute façon ils sont à exclure de la notion «Contenu de l'enseignement des langues vivantes».

Concluons. Si nous avons à organiser l'enseignement *pratique* d'une langue étrangère, c'est-à-dire, si nous voulons apprendre à l'utiliser comme instrument de communication, les composants de cet enseignement seront:

1. Le matériel linguistique, considéré comme un ensemble de signes de codage ou décodage de l'information. Chacun des quatre moyens communicatifs est pourvu de son propre système de signes. Le matériel linguistique est à faire assimiler.

2. Les mécanismes de la communication et leurs fonctions de codage et de décodage linguistique de l'information.

Les mécanismes sont à former et à faire fonctionner d'abord correctement, ensuite automatiquement.

3. Les règles-indications sur le fonctionnement des mécanismes en partant des normes de la langue à enseigner. Les règles sont à comprendre et à savoir appliquer.

4. Les facultés communicatives de transmettre et d'extraire l'information. Les facultés communicatives sont à développer.

.....
Pour assurer le succès de l'enseignement pratique d'une langue étrangère, la plus grande attention doit être accordée aux mécanismes.

Ce sont les mécanismes qui réalisent le codage et le décodage de l'information, objet de la communication. C'est à leur base que peuvent se développer les facultés communicatives. Les règles ne sont que le début de l'enseignement facilitant la formation et le fonctionnement correct des mécanismes. Quant au matériel linguistique, c'est un des composants fondamentaux de l'enseignement des langues, mais son assimilation est subordonnée au système d'exercices de l'automatisation du fonctionnement des mécanismes. En effet, ceux-ci, pour fonctionner, doivent avoir leur objet d'opération. Ce sont justement les signes de codage et décodage. En faisant travailler les mécanismes, on fait en même temps assimiler ces signes, à savoir, le matériel linguistique (Haham 1984: 21-52; 60-118).

Encore une fois: pour garantir un enseignement effectif des langues vivantes, on doit concentrer l'attention et les efforts des élèves sur la formation et le fonctionnement automatique des mécanismes. Autrement dit, sur l'acquisition des automatismes ce qui fait le thème du sujet suivant.

Bibliographie

- Boulon, Ch. P., *L'acquisition d'une langue étrangère*, Paris, Klincksieck, 1974.
- Гиниатуллин, И. Л., Грейсер, А. В., *Некоторые вопросы стимулирования устной речи*, in *Иностранные языки в школе*, 1973, № 4, стр. 73-74.
- Зимняя, И. А., *Речевой механизм в схеме порождения речи*, in *Психолингвистика и обучение русскому языку нерусских*, ред. Леонтьев, А. А., Зарубина, Н. Д., Москва, Изд-во Русский язык, 1977, стр. 128.
- Леонтьев, А., *Основы теории речевой деятельности*, Москва, Изд-во Наука, 1974.
- Леонтьев, А., *Язык, речь, речевая деятельность*, Москва, Изд-во Просвещение, 1969.
- Лурия, А., *Основные проблемы нейролингвистики*, Москва, Изд-во МГУ, 1975.

Recuperări

Eva Gleibman
(18.12.1921, Bălți – 09.03.2014, Bălți)

Studii: Universitatea de Stat din Cernăuți, Facultatea de Filologie, specialitatea *Limba franceză* (1952). Doctor în științe filologice (1969). Conferențiar universitar la Catedra de filologie franceză (1956-1992). Publicații: 19 articole științifico-metodice, 2 monografii. Distincții: insigna „Eminent al Învățământului Public al RSS Moldovenești”.

***Компонентные расщепления
и классификационные объединения¹***

В лингвистических исследованиях лексическое и грамматическое содержание глагола принято рассматривать отдельно. Лексическое значение раскрывается, как правило, в словарных описаниях, разных аналитических и классификационных схемах, а грамматическое – в трудах, ориентированных на его специфические временные, видовые, модальные, залоговые и иные категории.

Аналитические и классификационные методы описания лексического значения взаимно обуславливаются и дополняются. В современных работах, семантика глагола, как и других классов, изучается путем расщепления понятийного содержания слова на компоненты различного уровня абстракции (Goudenough 1956; Гак 1966; Комлев 1969; Greimas 1966; Pottier 1967; Ducháček 1967; Pottier 1970; Dubois 1964; Mounin 1972; Coseriu 1973; Geckeler 1973). Анализ противопоставляемых компонентов содержательной структуры, или компонентный анализ, ведется обычно на небольших группах слов (Pottier 1970; Ducháček 1972; Geckeler 1973; Гулыга *et alii* 1976). Минимальные единицы смысла в большинстве работ называются *семами*, в функциональном направлении А. Мартинэ – *монемами* (Martinet 1960; Чинчлей 1975). Подобные расщепления – закономерно приводят к следующим результатам:

- выделению некоторых признаков (ср. *courir* – *ramper* быстрое передвижение – медленное передвижение);
- выделению общих признаков (архисем), соединяющих два и более слов (ср. признак передвижения: *courir, ramper, voler, nager, rouler, glisser* etc.) (Carter 1980: 84);
- выбору слов или выражений обобщенного типа, которые могут обозначать родовые признаки слов со смежным видовым значением и функционировать как архисемы в системе описания. Подобные слова

¹Text reproducă: Глейбман, Е. В., *Аспекты глагольной семантики*, Кишинев, Штиинца, 1983, стр. 6-14.

называют *архилексемами* (Coseriu 1973: 54; Geckeler 1973: 21-24). Например, архилексема *se déplacer* охватывает глаголы *courir, gamper, voler, nager, rouler* etc.;

- выделению специальных наборов семантических признаков, которые в зависимости от тех или иных внутренних комбинаций элементов позволяют устанавливать тонкие различия между сходными словами. Так, Б. Потье определяет различия между глаголами *marcher, courir, sauter, danser, remuer* на основе наличия, отсутствия сем или их сочетаний. Для анализа ученый использует следующие семы: S_1 – «progression dans l'espace», S_3 – «verticalité dans le déplacement», «régularité», S_4 – «rapidité», S_5 – «mouvement» (Pottier 1970: 385-389);
- противопоставлению сем в порядке различения типов словообразовательных значений и сложных лексико-синтаксических зависимостей (Глейбман 1969; Глейбман 1972; Глейбман 1975; Peytard 1969; Guilbert 1971; Guilbert 1975; Соболева 1971; Кубрякова 1971; Кубрякова 1977; Бондаренко 1978; Ворожцов 1978);
- вычленению основных категорий целых классов слов (например, «+ конкретность» «+ одушевленность», «± антропоморфичность»), одинаково приложимых к именным и признаковым словам, а также специфических глагольных признаков типа «± итеративность» (*construire – reconstruire*), «± фактивность» (*empoissonner – jaillir*), «± прерывность» (*frapper – trembler*), которые переходят уже в область грамматических категорий. Подобные категории называются иногда термином «классема» (Pottier 1962; Pottier 1967; Coseriu 1973).

Признаки, выделяемые путем аналитического описания, могут использоваться как основа для различных классификационных построений.

Существуют разные виды классификаций, позволяющих соблюдать более или менее строгую и последовательную программу перечисления и деления лексического массива. Иногда исследователь просто перечисляет ассоциативные связи, отправляясь от одного слова, как это делается в известном словаре П. Руэ (Апресян 1972). Например, глагол *changer*, выражающий во французском языке понятие изменения, ассоциируется у П. Руэ со следующими глаголами и оборотами: *modifier, permuter, commuer, intervertir, alterner, troquer, transformer, déranger, dénaturer, travestir, transmuier, transmuter, métamorphoser, transfigurer, convertir en, transposer, varier, muer, bouleverser, défigurer, révolutionner, altérer, rectifier, corriger, amender, adapter, accomoder, réformer, remanier, remplacer, innover, faire peau neuve, tourner, virer, déchanter, se déjuger, se dédire, renier, apoetasier, renoncer à, abandonner, dessoler, faire table rase, du tout au tout, alternativement, à tour de rôle*. В конце перечня фигурирует заметка: *v. autre*. Она отсылает к ассоциациям типа *autre* «другой»), которые дополняют приведенный перечень. Такого рода спонтанное перечисление ассоциативных связей лексикографа вокруг столь важного

.....
понятия нашего бытия представляет большой интерес именно благодаря прослеживаемой легкости «скольжения» от одной разновидности изменения картины внешнего и внутреннего мира к другой». Важен сам принцип объединения. Однако за объединением нет никаких классификационных разбиений. Тем не менее глагол *changer* оказывается здесь весьма сильной архилексемой, как и некоторые другие глаголы типа *abandonner, tomber, faire tomber* и. т. д. в словаре П. Руэ.

Попытки систематизации ассоциативных (парадигматических) связей лексики приводят к описанию семантических полей разного объема и структуры (Trier 1931; Trier 1969; Ducháček 1960a; Ducháček 1960b; Ducháček 1961; Ducháček 1967; Guiraud 1962; Guiraud 1969; Mounin 1972; Шайкевич 1980; Глейбман 1960), а также к составлению словарей синонимов и словарей типа тезаурусов.

Следует отметить, что и результаты тезаурусных ассоциативных описаний, и структуризация лексики по семантическим полям могут служить весомым подтверждением тезиса о нечетком, расплывчатом характере языковых множеств, развиваемого в ряде исследований (Neustupny 1966; Глейбман 1972; Пиотровский 1975; Пиотровский 1979; Пиотровский *et alii* 1981; Jakobson 1961; Jakobson 1963; Katz 1963; Keil 1979; Klaus 1974; Klum 1961; Larochette 1974; Гулыга 1976; Бенвенист 1974). Семантические поля обычно имеют некоторое относительно четкое ядро и нечеткие взаимно пересекающиеся границы. Это создает условия для миграции слов из одного поля в другое (Ducháček 1961; Le Bidois 1970). Р. Лебидуа приводит интересное описание «скольжения» и абстрактизации глагола *évoquer* в период с 1900 г. до 1970 г. Данный пример служит иллюстрацией перехода периферийного слова из поля магического призыва в поле мнемонической тематизации, с которым оно в 1900 г. соприкасалось лишь в переносном смысле (Le Bidois 1970: 71-130). Р. Лебидуа приводит значение, которое имел глагол *évoquer* в 1900 г.: 1. *faire apparaître les démons ou les âmes des morts (magie)*; 2. *attirer à soi la connaissance d'une affaire (jurisprudence)*; 3. *figuré: Evoquer un souvenir, le rappeler*. К 1970 г. полностью утрачены значения, имевшие отношение к магии и юриспруденции, остается и развивается третье, переносное значение, которое становится *основным*: *evoquer – mentionner, citer, traiter de, parler de, faire allusion (ibidem: 109)*. Во французском языке существует множество примеров «скольжения» слов из одного поля в другое, что связано с активными процессами переосмысления лексики (Бондаренко 1978; Норман 1974; Норман 1978; Павел 1982). А. Дармстетер рассматривал и учитывал эти процессы наряду со словообразовательными (Darmsteter 1987; Darmsteter 1977). Подобное положение вещей значительно затрудняет определение границ семантических полей.

О. Духачек в своем описании семантического поля красоты во французском языке развивает и доказывает верный тезис о том, что ни одно из

более двухсот приведенных им слов не относится к одному и только одному понятию красоты. Поэтому, несмотря на объединение в единое понятийно-лингвистическое поле множества слов, выражающих одно общее понятие, автор констатирует, что никаких строгих границ между словами отдельных полей установить нельзя.

Классификационные трудности возникают и в связи с необходимостью учета разных контекстуальных реализаций, в которых главные слова поля просто утрачивают основное значение и наполняются другим смыслом. Так, центральное слово поля красоты *beau*, фиксирующее понятие «красивый», приобретает смысл «честный» в контексте *un beau caractère*, «достойный» – *Là, si tu veux mourir, trouve une belle mort*, выражает значение интенсивности – *une belle somme d'argent, une belle récolte; Il lui a donné une belle gifle: j'ai eu une belle peur*. В аффективных контекстах *beau* может выражать понятия: «неприятный» – *Voilà une belle affaire*, «фальшивый» – *un beau prometteur de belles promesses*, «скверный» – *Voilà, beau précepteur, votre éducation* (Molière) (Ducháček 1960: 38-40; Глейбман 1960: 202).

О. Духачек устанавливает примерно 28 соседних понятийных полей, которые снабдили словами поле красоты по мере его развития. Так, из смежного поля *rapt* («похищение, пленение») в поле красоты перешли слова *ravissant, captivant*, из поля *magie* («колдовство») – *charmant, ensorcelant, fascinant, charme, merveille* etc. из поля *pouvoir* – *magnifique, majestueux, magnificence* etc., из поля *richesse* – *superbe, superbement, luxe, somptuosité* etc., из поля *clarté* – *brillant, éblouissant, flambant, splendide, éclatant, éclat* etc., из поля *perfection* – *impeccable, magistral, idéal*. Целые группы слов пришли из полей *séduction, attrait, amour, plaire, ce qui est beau, élégance, ornement, arts, achèvement, choix* и т.д.

Подобные факты указывают на ассоциативные источники развития значения слов и всю сложность системного описания лексики. Исследователи семантических полей и синонимических рядов в разных языках сталкиваются с аналогичными проблемами, разрешая их теми или иными методами (Trier 1931; Trier 1969; Guiraud 1962; Guiraud 1969; Mounin 1972; Шайкевич 1980).

В работе по структурной семантике французского языка Х. Геккелера предлагаются некоторые разбиения множества французских глаголов на семантические поля, а также градуирование деления внутри полей в зависимости от видовых признаков (Geckeler 1973: 79-91). Приведем пример предварительного деления Х. Геккелером поля глаголов разрушения на подклассы (1) частичного и (2) полного разрушения: (1) *casser, briser, rompre, fracasser, fracturer, démembrer, écraser, déchirer, lacérer, déchiqueter, abîmer, endommager*; (2) *détruire, démolir, abattre, raser, démanteler, consumer, anéantir, annihiler, ruiner, dévaster, ravager, saccager*. Такое деление характеризуется неизбежной нечеткостью в связи с рассмотрением признаков вне контекста. Например, из

контекстов типа *casser un verre, écraser un insecte* явствует полное разрушение/уничтожение а из *dévaster un pays* – неполное. Более удачной оказывается попытка ученого найти параметры анализа семантического поля, во главе которого стоит архилексема *parler*. Семантические подгруппы выделяются в зависимости от следующих признаков; «интенсивность огласки» (*chuchoter, susurrer, murmurer, s'écrier, crier, clamer, hurler, vociférer, brailler*); «отклонение¹ от нормы» с подтипами – «органическое» (*bégayer*), «неорганическое» «окказиональное» (*balbutier, bredouiller, bafouiller, marmotter, marmonner, grommeler*), «с частичной деформацией» (*bleser, zézayer, nasiller, grasseyer*); «нечеткость содержания» (*barguigner, radoter*) j «реципрочность» с подтипами – «нейтральная» (*s'entretenir, converser, conférer, dialoguer, causer, bavarder, débattre, discuter, délibérer*), «стилистически окрашенная» (*jaser, jacasser, babiller, cancanner, papoter caqueter, gazouiller jaboter, jaspiner*); «односторонняя направленность» (*appeler, interpellier, apostropher, héler*); «развитие темы» (*discourir (sur), dissenter*) – «с уничижительной окраской» (*pérorer, palabrer*), «перед публикой» (*prêcher, haranguer*). К полю *parler* тесно примыкает поле *dire*, в котором Х. Геккелер делает следующие разбиения: *énoncer, exprimer, articuler, préférer, prononcer, affirmer, avouer, confesser, ordonner, demander, interroger, questionner, répondre, réclamer, répartir, riposter, raconter, conter, narrer, relater, rapporter, réciter, déclamer, débiter, dicter*. Данные деления представлены без обозначения основных признаков подклассов.

Подобные описания представляют интерес как насыщенные живыми красками зарисовки фрагментов понятийно-языкового континуума «В них примечательно объединение качественных признаков – «интенсивность», «отклонение», «нечеткость» и т.д. – с коммуникативными и ролевыми характеристиками типа «реципрочность», «однонаправленность коммуникации», «развитие темы». Эта недифференцированность как бы вытекает из структуры самого материала. По всей видимости, семантические этюды Х. Геккелера стоят близко к глобальным классификациям больших массивов лексики по принципу последовательных родовидовых делений. Родовидовые классификационные структуриации, иногда дихотомические с обязательным противопоставлением наличия (+) или отсутствия (–) каждого признака, применяются в лингвистических исследованиях разных направлений (Боркун 1977; Билан *et alii* 1979; Шингарева 1978; Пиотровский *et alii* 1980; Peytard 1969; Geckeler 1973; Spratte 1979; Соболева 1980). Классификации подгрупп глаголов, предлагаемые Х. Геккелером, могут рассматриваться как своего рода подготовительная работа к более крупным построениям.

В древовидных, иерархически структурированных родовидовых классификациях слов отражаются обычно логические и самые общие онтологические деления вещей, явлений и процессов (Keil 1979). Попутно заметим, что сама по себе парадигматическая классификация глаголов даже по принципам родовидовых дихотомических тезаурусов может оказаться бесплодным

.....
построением, если она не будет увязана с другим естественным аспектом глагольной семантики – заложенными в глагольное слово программами актантно-сирконстантных потенций.

М. Н. Боркун предлагает системное описание семантики английского переходного глагола путем тезаурусных дихотомических разбиений и табличных обобщений регулярной сочетаемости семантических классов глаголов и именных слов в структуре V + N на материале текстов прессы. Сочетаемостные особенности слова рассматриваются как проявление его системных значимостей. В них утверждается и сущность внутренних семантических компонентов, и сущность отношений с другими словами, или так называемое внутрилингвистическое значение (Билан *et alii* 1979). Табличная систематизация исследования позволяет проследить некоторые закономерности сочетания смыслов глагольных и именных слов. В начале строк таких таблиц фигурирует основные семантические признаки существительных обследованного массива v + N. На пересечениях строк и столбцов отмечается наличие или отсутствие сочетаемостной связи (*ibidem*). Список глагольных семантических признаков включает, например, общие категории типа «транспозитивность», «трансмитность», «производство», «конструктивность», «генерация», «неспецифическая модификация», «экстенсификация», «консолидация», «редукция», «механическая обработка», «деструктивность», «элиминация», «аннуляция», «контрадикторность», «интерференция», «агрессивное воздействие», «содействие», «протективность», «управление», «реализация», «утилизация», «конъюнкция», «дизъюнкция», «экспозитивность», «квалификативность», «поссесивность», «квантитативность» и т.д. Всего в глагольном тезаурусе имеется 96 признаков.

Признаки существительных состоят из категорий типа «дискретное/недискретное», «неодушевленное тело», «артефакт», «лицо», «группа лиц», «место», «процесс», «событие», «свойство», «отношение», «состояние», «институт», «предприятие», «учреждение», «орган управления» и т.д. В таблице такого рода можно найти, например, информацию о сочетаемости глаголов – носителей общей семы «содействие» с именными словами, принадлежащими к одной из категорий: «лицо, группа лиц, место, процесс, событие, свойство, отношение, состояние, институт/предприятие, учреждение, орган управления, торгово-промышленная операция, документ, форма мыслительной деятельности, отрасль народного хозяйства, средство информации». М. Н. Боркун получает таким образом отдельные типы глагольно-именных смысловых связей, которые оказываются весьма обобщенными, многосторонними и недифференцированными, но все же отражают определенные регулярные, системные отношения.

Семантические признаки рассматриваются автором как инварианты, сочетающиеся в разных наборах в качестве компонентов содержательной структуры глагольных лексем. Они интерпретируются также как некоторые

универсальные признаки, объединяющие семантические классы или множества слов естественного языка. На перифериях полученных множеств глаголов неизбежно оказываются, как и в семантических полях, переходные, неустойчивые единицы. Тем не менее ядро каждого такого класса вполне определенным образом взаимодействует с ядрами остальных классов: вся система устойчивых ядер классов стройно выстраивается в древовидный иерархический граф. Каждое ядро содержит один или несколько типичных глаголов. Например, глаголы *transpose*, *move*, *transfer* – ядро множества с признаком «транспозиция»; *give*, *supply*, *provide* – ядро бенефитности.

В статье *Формальное распознавание смысла текста* (Пиотровский *et alii* 1980) развиваются теоретические основы и методы формального распознавания смысла текста в ЭВМ, обобщаются лингвистические принципы построения тезаурусов, приводятся таблицы семантических признаков (СемП) различных частей речи. Каждый СемП снабжен кодом своего места в иерархическом тезаурусном графе и примерами ядерных слов на трех языках: английском, французском, русском. Принцип построения тезаурусных графов дихотомический. Он необходим для ЭВМ и накладывает жесткие ограничения. Каждый из признаков очередного узла вершины графа может делиться только на два противоположных видовых признака. Но последние сводятся в сущности к обозначению присутствия (+) или отсутствия (–) одного и того же категориального признака. Например, вершина графа глагола с самого начала делится на СемПы «отношение», «неотношение». Это эквивалентно интерпретации: присутствие значения «отношение» в одном классе и его отсутствие – в другом. Приведем фрагмент таблицы, отражающей семантическую организацию вершины глагольного графа (*ibidem*: 29-32). Придерживаясь кодовой нумерации, перечислим СемПы основных левых узлов графа глаголов (табл. I).

По табл. 1 нетрудно проследить иерархическую структуризацию некоторых общепринятых классификационных категорий глаголов «отношение» (*avoir*), «состояние» (*être*), «действие», или «операциональность» (*faire*) и т.д. Следует отметить, что иерархическая классификация, основанная в обязательном порядке на учете присутствия и отсутствия каждого признака, оказывается своего рода исчислением комбинаций из присутствий и отсутствий категориальных признаков. Это отражается в кодовых обозначениях: присутствие – I, отсутствие – 0. При внимательном исследовании выявляется, что не все такие комбинации находят реализацию в языке.

Например, для кодовых обозначений 4010 и 4000 в таблицах отсутствуют примеры (*ibidem*: 32). В 4010 закодирована иерархическая последовательность СемПов «неотношение», «состояние субъекта», «непроцесс». В 4000 закодирована последовательность «неотношение», «несостояние», «несвойство».

ТАБЛИЦА I. СемПы глаголов и их коды

Код СемПа	Название СемПа	Пример
4 – I	Отношение	<i>have, avoir</i> «иметь»
4 – 0	Неоношение	<i>be, etre</i> «быть»
4 – II	Операциональность	<i>make, faire</i> «делать»
4 – IO	Неоперациональность	<i>have, avoir</i> «иметь»
4 – III	Перемещение объекта	<i>carry, transporter</i> «перевозить»
4 – IO	Неперемещение объекта	<i>be, se trouver</i> «находиться»
4 – IIII	Передача объекта лицу	<i>send, passer</i> «посылать»
4 – IIIO	Непередача объекта лицу	<i>receive, recevoir</i> «получать»
4 – IIIOI	Отчуждение объекта	<i>take, prendre</i> «взять»
4 – IIIOO	Неотчуждение объекта (уступительность)	<i>give, donner</i> «давать»

Особенность тезауруса заключается в том, что ядерные слова, фигурирующие в примерах, не могут рассматриваться как архилексемы в приведенном выше понимании. Если бы мы считали *avoir* архилексемой, характерной для всего класса глаголов отношения, то, согласно разбиению узла «отношение» (код 4-1) на нижние узлы – «операциональность» (код 4-II) и «неоперациональность» (код 4-IO), – очередная ядерная архилексема *faire* («операциональность») должна была бы включать в качестве архисемы архилексему *avoir*. Такое абсурдное следствие тезауруса исключает возможность интерпретировать ядерные глаголы семантических классов как архилексемы. Представляется недостаточно убедительным и то определение глагола *faire*, которое вытекает из содержания признаков «отношение» + «операциональность». Характерно, что и на вершинах классификаций, а тем более на нижних узлах, возникают трудности в связи с размытостью понятий, с которыми приходится работать.

Проследим взаимодействие между последовательно включающимися один в другой (снизу вверх) СемПами. Для узла 4-11000I с ядерными глаголами *organise, organiser* «организовывать» можно перечислить сверху СемПы: «отношение» (код 4-1), «операциональность» (код 4-II), «неперемещение» (код 4-110), «непроизводство материального объекта» (код 4-1100), «конструктивность идеального объекта» (код 4-1100I) (*ibidem*: 29). Получается некоторая громоздкость перечисления в связи с уже указанной необходимостью явного учета признаков отсутствия категорий («неперемещение», «непроизводство материального объекта»). Подобные признаки иногда учитываются при компонентном анализе (Goudenough 1956; Pottier 1970) и обычно не учитываются в описаниях семантических полей. Но они играют весьма существенную роль в определениях: роль отбрасывания некоторой области выделения, или поиска данного предмета. В этом, по-видимому, и

заключается основное преимущество системного моделирования лексики в дихотомических тезаурусах. Следует отметить и то, что деления, которые предпринимаются в тезаурусной организации лексики вслед за первоначальными, самыми общими разбиениями, носят весьма относительный характер и могут подвергаться бесконечным усовершенствованиям и перегруппировкам в зависимости от «скользящих» интерпретаций языковых единиц. Несмотря на категориальные инварианты, выделенные или заданные как основания для построения тезауруса, распределения многозначных слов в узлах и само структурирование последних являются весьма сложной и не всегда успешно разрешимой задачей в смысле снятия неоднозначности слов.

Возможно, что основная трудность связана с тем, что парадигматический тезаурус опирается исключительно на анализ и экспликацию логических отношений между элементами только внутри исследуемого массива слов в отрыве от ролевых структур, которые обслуживаются словами. Тезаурус явно представляет логические отношения равнозначности – для слов одного и того же узла, контрадиктарности для слов противопоставленных узлов, включения – для иерархически расположенных узлов и внеположенности – для разных видовых ветвлений одного узла. Исключаются отношения пересечения, поскольку тезаурус, предназначенный для ЭВМ, пока еще не может учитывать изменчивую периферию классов слов.

Классы глаголов и другие классы слов поддаются логическому анализу (Гак 1971: 82-85), который, однако, вскрывает только рационально-классификационный аспект, в отрыве от их ролевой сущности при отражении общей взаимосвязи предметов и процессов.

Библиография

- Carter, R., *La notion d'explication en sémantique*, in *Langue française*, 1980, nr. 10.
 Coseriu, E., *Probleme der structurellen Semantik*, Tübingen, 1973.
 Darmsteter, A., *La vie des mots étudiés dans leurs significations*, Delagrave, 1887.
 Darmsteter, A., *Traité de la formation des mots composés. La vie des mots étudiés dans leur signification*, Paris, 1977.
 Dubois, J., *Distribution, ensemble et marque dans le lexique*, in *Cahiers de lexicologie*, 1964, nr. 4.
 Ducháček, O., *Le champ conceptuel de la beauté en français moderne*, Praha, 1960.
 Ducháček, O., *Les champs linguistiques*, in *Philologica Pragensia*, 1960, Rč III, č. I.
 Ducháček, O., *Au problem de la migration des mots d'un champ conceptuel à l'autre*, in *Lingua*, 1961, vol. X, I.
 Ducháček, O., *Précis de sémantique française*, Brno, 1960.
 Ducháček, O., *La linguistique, hier et aujourd'hui*, in *Le français moderne*, 1972, nr. 2.
 Geckeler, H., *Structurelle Semantik des Franzosischen*, Tübingen, 1973
 Goudenought, W. H., *Componential Analysis and the study of Meaning*, Language, 1956, vol. 32, nr. 1.
 Greimas, A.Y., *Sémantique structurale. Recherche de méthode*, Paris, 1966.
 Guilbert, L., *La créativité lexicale*, Paris, 1975.
 Guilbert, L., *De la formation des unités lexicales. Fondements lexicologiques du dictionnaire*, Paris, 1971.

- Guiraud, P., *La sémantique*, Paris, 1962.
- Guiraud, P., *Distribution et transformation de la notion de coup*, in *Langue française*, 1969, nr. 4.
- Jakobson, R., *Linguistique and Communication theory*, in *Structure of Language in its mathematical aspects. Proceedings of Symposia in applied Mathematics*, V, XII, Providence, 1961.
- Jakobson, R., *Linguistique et poétique. Essais de linguistique générale. Les foundations du langage*, Paris, 1963.
- Jansen, L. M., *Aspekte der klassifikation von Verben*, in *Kasustheorie, Klassifikation, semantische Interpretation. Beiträge zur Lexicologie und Semantik*, Hamburg, 1977.
- Katz, J. J., Fodor, J. A., *The structure of a semantic theory*, in *Language*, 1963, vol. 39, nr. 2, p. 1.
- Keil, F. C., *Semantic and Conceptual development. An Ontological Perspective*, Cambridge, 1979.
- Klaus, G., *La pragmatique comme discipline de la théorie de la connaissance*, in *Sémiotique. Recherches internationales à la lumière du marxisme*, 1974, nr. 81-84.
- Klum, A., *Verbe et adverbe*, in *Acta universitatis Upsaliensis*, Stockholm, Upsala, 1961.
- Larochette, J., *Syntaxe et sémantique*, in *La français modern*, 1974, nr. 4.
- Le Bidois, R., *Les mots trompeurs ou le delire verbal*, Paris, 1970.
- Martinet, A., *Eléments de linguistique générale*, Paris, 1960.
- Mounin, G., *Clefs pour la sémantique*, Paris, 1972.
- Peytard, J., *De l'ambiguïté sémantique dans les lexies préfixées par auto*, in *Langue française*, 1969, nr. 4.
- Pottier, B., *Présentation de la linguistique. Fondements d'une théorie*, Paris, 1967.
- Pottier, B., *Sémantique du fini et sémantique du non-fini*, in *Actes du X-e Congrès International des linguistes II*, Bucarest, 1970.
- Pottier, B., *Systématique des éléments de relation. Etude de morphosyntaxe structurale*, Paris, 1962.
- Spratte, H., *Französische Komposita vom Typ Abat-jour. Morpho-syntaktische, semantische Strukturen*, Kassel, 1979.
- Trier, J., *Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes*, Heidelberg, 1931.
- Trier, J., *Altes und Neues vom sprachlichen Feld*, in *Duden Beiträge* H.34, Mannheim, 1969.
- Апресян, Ю. Д., *К построению языка для описания синтаксических свойств слова*, in *Проблемы структурной лингвистики 1972*, Москва, 1973.
- Бенвенист, Э., *Общая лингвистика*, Москва, 1974.
- Бондаренко, А. Ф., Глейбман Е. В., *Исследования по трансформационной грамматике и словообразованию французского языка*, Кишинёв, 1978.
- Боркун, М. Н., *Системное описание семантики английского переходного глагола и ее тезаурусная актуализация (на материале англо-американской публицистики)*. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук, Минск, 1977.
- Ворожцов, В. Н., *Синтаксическая конструкция и словообразовательная модель (на материале отыменных глаголов французского языка)*. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук., Москва, 1978.
- Гак, В. Г., *Беседы о французском слове (из сравнительной лексикологии французского и русского языков)*, Москва, 1966.
- Гак, В.Г., *Семантическая структура слов как компонент семантической структуры высказывания*, in *Семантическая структура слова*, Москва, 1971.
- Глейбман, Е. В., *Словообразование и формобразование в аппликативной модели*. Автореферат на соиск. учен. степени канд. филол. наук., Ленинград, 1969.
- Глейбман, Е. В., *Словообразование и формобразование в аппликативной грамматике*, in *Проблемы структурной лингвистики 1971*, Москва, 1972.
- Гулыга, Е. В., Шендельс Е. И., *О компонентном анализе значимых единиц языка*, in *Принципы и методы семантических исследований*, Москва, 1976.

-
- Комлев, Н. Г., *Компоненты содержательной структуры слова*, Москва, 1969.
- Кубрякова, Е.С., *Типы языковых значений. Семантика производного слова*, Москва, 1971.
- Кубрякова, Е. С., *Семантика синтаксиса и некоторые проблемы теории словообразования*, in *Научные труды МГПИИЯ им. М. Торреса*, вып. 112, 1977.
- Пиотровский, Р. Г., Аникина Н. В., Аполонская Т. А., *Формальное распознавание смысла текста*, in *Статистика речи и автоматический анализ текста*, Ленинград, 1980.
- Соболева, П. А., *Моделирование словообразования*, in *Проблемы структурной лингвистики 1971*, Москва, 1972.
- Чинчилей, Г., *Соотношение минимальных значимых единиц языковой структуры*, Кишинев, 1975.
- Шингарёва, Е. А., *Опыт использования фреймов для распознавания смыслового образа текста*, НТИ, сер. 2, 1978, № 10.

Recuperări

Ecaterina Jitaru

(30.07.1943, Fundurii Vechi, Glodeni –
21.01.2011, Bălți)

Studii: Institutul Pedagogic de Stat „Alec Russo” din Bălți, specialitatea *Limba franceză și limba germană* (1964). Angajată a Universității de Stat „Alec Russo” din Bălți din 1964: doctor în filologie (1980), conferențiar universitar la Catedra de filologie franceză. Șefa Catedrei de filologie franceză (2000-2004). Cursuri ținute: *Limba franceză, Istoria literaturii franceze*.

***Проблема отглагольного словообразования
во французском языке***¹

Современное теоретическое языкознание при всем разнообразии его направлений и аспектов по-прежнему изучает непрекращающиеся процессы обогащения языков, включая и словообразовательные.

Данная статья рассматривает проблему взаимоотношения частей речи, а именно установление соотношения глагола и имени при появлении новых языковых единиц во французском языке.

Проблема структурно-семантической соотносительности словообразовательно-коррелирующих единиц занимает центральное место в аспекте системного изучения деривационных отношений. Теоретические обобщения в плане установления закономерностей семантических отношений между производными и производящими невозможны без всестороннего исследования отдельных подсистем словообразования. Одной из них является подсистема отглагольных существительных.

Отглагольные существительные занимает важное место в системе словообразования. Легкость образования глаголов от существительных и, наоборот, существительных от глаголов считается многими лингвистами характерной чертой французского словообразования.

В силу этого проблема отглагольного словообразования является предметом глубокого изучения многочисленных лингвистов европейского ареала: Апресян Ю. Д., Арнольд И. В., Арутюнова Н. Д., Ахманова О. С., Балли Ш., Бенвенист Э., Бережан С. Г., Будагов Р. А., Виноградов В. В., Гак Р. Г., Гиро П., Дюбуа Ж., Колшанский Г. В., Земская Е. А., Илия Л. И., Косериу Е., Кубрякова Е. С., Марканд Х., Мартине А., Марузо Ж., Мигирин В. Н.,

¹Text reproduș după: *Omagiu profesorului universitar Mihail Purice la 70 de ani*, Chișinău, Editura USM, 2007, p. 196-204.

Пишон Е., Степанов Ю. С., Чинчлей Г. С., Шанский И. М., Шведова Н. Ю., Юрьева Е. Ю., Ярцева В. Н.

Несмотря на известные достижения в изучении отглагольного словообразования во французском языке, до сих пор нет ни одной обобщающей работы, которая каталогизировала бы все словообразовательные способы данной подсистемы не только с точки зрения её структурного оформления, но и с учётом семантики словообразовательных дериватов.

В настоящей статье мы ставим целью определить словообразовательные потенции частотных глаголов и установить семантические и структурные корреляции между разными деривационными рядами.

Объектом исследования явились частотные глаголы, отобранные из словаря Гугенейма Ж., 768 единиц, и мотивированные этими глаголами существительные, относящиеся к следующим словообразовательным категориям: опредмеченное действие, агент действия, инструмент действия, место действия, объект действия – пациенс/антропонимичный/ и бенефициент – агент, в пользу которого выполняется действие.

Исследование проводилось на материале толковых словарей французского языка (*Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*, Paris, 1976), главным образом (*Grand Larousse de la langue française*, Paris, 1972-1978, v. 1-7). Общая выборка составляет около 4.000 единиц.

Выбор в качестве объекта исследования частотных глаголов обусловлен необходимостью установления словообразовательного потенциала французского глагола, который наиболее объективно можно выявить в результате исследования именно частотного и тем самым наиболее показательного слоя лексики, показательного тем, что он включает самые различные по своей семантике глаголы. Данный выбор обусловлен и тем, что словообразовательные потенции частотных глаголов ни разу не подвергались исследованию. Тем не менее, как известно, чем частотнее та или иная единица, тем больше её словообразовательные потенции.

Для установления определённых закономерностей в реализации глаголами тех или иных словообразовательных потенций в работе используется понятие «словообразовательная парадигма».

Словообразовательное значение производного понимается как сложная единица, состоящая из «инвариантной части + различного рода сдвиги, сужения и приращения, существование которых обусловлено лексическим значением производящих и особенностями отражаемых ими феноменов объективной действительности».

Установление семантико-структурных отношений корреляции глагол-имя основывается на следующих гипотезах: актанты глагола имеют регулярное выражение на словообразовательном уровне; существуют регулярные семантические отношения между абстрактными дериватами *N actioni* и конкретными дериватами словообразовательных категорий: *N agenti*, *N instrumenti*, *N loci* с

одной стороны, с другой стороны – структурные и семантические отношения между конкретными дериватами, а именно: *N agenti* – *N instrumenti*; *N instrumenti* – *N loci*.

Для определения словообразовательных потенций глаголов нами используется следующие словообразовательные категории: «опредмеченное действие», «агент действия», «инструмент действия», «бенефициент», «пациент», «место действия». Данные современных словарей отражают реализацию словообразовательных потенций глаголов. В качестве элементов подсистемы отглагольных существительных выступают дериваты, принадлежащие к определённым лексико-семантическим разрядам. При рассмотрении компонентов словообразовательной парадигмы ограничимся одной категорией агента действию.

Анализ художественных текстов показывает, что категория агента часто может быть выражена местоименно-соотносительными предикативными структурами: *celui, celle, ceux qui* + V, которые обозначают агента по выполняемому в данный момент действию.

Местоименно-соотносительные структуры, имеющие своим опорным компонентом частотный глагол, в большинстве случаев заполняют пробелы.

Словообразовательной парадигмы глаголов, не дающих дериватов со значением «агента действия», например: *accueillir, nier, sentir*.

1. *Seulement ceux qui nous accueillent ne sont pas trop contente de notre arrivée* (Nigremont 1975: 166).

2. *... il me semble fournir un supplément d'information aux personnes qui ont bien voulu s'intéresser aux fleurs bleus* (Queneau 1966: 8).

Как известно, основным условием для транспозиции глагол-имя является вычёркивание темпоральных и модальных признаков глагола – коррелята, поэтому местоименно-соотносительные структуры очень продуктивны для выражения временных и модальных признаков. Анализируемые примеры художественной литературы показывают, что для выражения данных признаков местоименно-соотносительные структуры, выступающие в качестве номинативных средств не знают ограничений:

1. *Celui qui partageait son pupitre s'approche de lui* (Simenon 1965: 59).

2. *Et toi, Marie ceux qui auraient dû te garder étaient des loups dévorants* (Mauriac 1969: 359).

Хотя от частотных глаголов типа *dire, prendre, faire, voir* и образуются производные со значением «агента действия», их семантика настолько узка, что они не способны покрывать все признаки агента, связанного с действиями многозначных глаголов, этим и объясняется частое употребление местоименно-соотносительных структур с опорным многозначным глаголом. Ср.: *voir – voyeur. Personne qui assiste pour sa satisfaction et sans être vue à quelque chose érotique. Tous ceux qui le virent alors, le crurent perdu* (*ibidem*: 313).

В некоторых случаях признак, положенный в основу отглагольного наименования, настолько широк, что в конкретных высказываниях он сопровождается минимальным контекстом. Последний выражается обычно при помощи косвенных дополнений с предлогом *de*. Например: *chercheur de trésors, déchargeur de navire, diseur de calembours*.

Минимальный контекст при отглагольном существительном конкретизирует признаки агента по выполняемому действию. Проверка путём усечения показывает, что употребление минимального контекста при отглагольном существительном имеет определённую функцию. Его опущение ведет к изменению или даже к искажению смысла производного слова. Например: *Le premier clerc, porteur de renseignements qu'il lui glissait d'urgence dans l'oreille* (Bazin 1963: 20) в абсолютном употреблении имплицитно подразумевает другую сферу (*porteur de bagages*): *Ainsi, Sophie a été enceinte il y a un an? Et naturellement comme nous ne voulons pas d'enfants, je suppose que nous nous sommes adressés à une faiseuse d'anges* (Simenon 1968: 139).

Иногда местоименно-соотносительные структуры употребляются в тексте, даже в случае наличия словообразовательных дериватов, которые способны выражать те же значения, что и синтаксические структуры. Например: *Vous risquez d'y entraîner tous ceux qui vous protègent, ce qui sera bien mal les payer* (Nigremont 1975: 157).

Как показывает анализ данных примеров местоименно-соотносительные структуры с опорными глаголами *protéger, suivre* могут быть свернуты в однословное название при помощи отглагольного существительного. При субституции расчленённых структур производным словом сохраняется как структура, так и семантика опорного глагола. *Ceux qui vous protègent = vos protecteurs; Ceux qui le suivaient = les suiveurs*.

Местоименно-соотносительные структуры, выступающие в качестве номинативных средств агента действия при словообразовательной недостаточности, носят в большинстве случаев нейтрально-номинативный характер, чем и аргументируется их частое употребление в речи. В исследуемых нами текстах художественной литературы были зарегистрированы случаи, когда местоименно-соотносительные структуры имеют определённую коннотацию. Например: *Même ceux qui ont fait leur trou (leur carrière)...* (Bazin 1963: 25).

Номинативные структуры данного типа по своим значениям служат для обозначения общепризнанных положений, но индивидуальная оценка со стороны говорящего придает им оценочность, экспрессивность. Например: *Il existe deux sortes de gens, vois-tu, tamen: ceux qui se laissent et ceux qui fessent les autres* (Simenon 1968: 114). Стремление обобщить моральные и интеллектуальные характеристики людей /положительно/ отрицательные/ является также источником семантической надбавки номинативных структур. Например: *Il s'agit toujours pour eux de brûler ceux qui croient, les yeux ouverts* (Mauriac 1969: 277).

Человек является тем референтом, который вызывает наиболее сложное отношение к себе со стороны людей. Сложность данных отношений обусловлена безграничными признаками, свойственными агенту. В языке нет «чётких ярлыков» для обозначения всех признаков, свойств человека. В процессе коммуникации языковые единицы, благодаря своей диффузности приобретают определенную гибкость, что позволяет им обозначать самые разнообразные признаки денотатов. С этой точки зрения удобными средствами для наименования многочисленных признаков агента действия являются переносные употребление. Для иллюстрации приводим следующие примеры:

1. *Produit incertain d'une époque incertaine, il n'avait qu'une certitude ...* (Sagan 1968: 118).

2. *Le message confirmait qu'il ne fallait pas éventer sa couverture* (d'un agent secret) (*Dictionnaire des mots sauvages*).

Анализ данных примеров показывает, что в речевом употреблении языковые лексемы: *produit*, *couverture* включаются на базе переноса в антропонимичную сферу. Контрастирующие отношения между обыкновенным семантическим статусом производных *produit*, *couverture* и их ситуативным употреблением придаёт данным лексемам определённую коннотацию.

Установление степени участия производящих основ частотных глаголов в образовании процессуальной словообразовательной парадигмы на основе сопоставления общего количества основ, реализовавших свои потенции, с общим количеством в выборке привело к следующим выводам: частотные глаголы имеют высокие словообразовательные потенции. Из общего количества – 768 глаголов, только 30 не дают ни одного деривата в парадигме. Самую большую словообразовательную нагрузку несут глаголы ЛСГ конкретного физического действия. Они способны образовать многоместную парадигму, состоящую из 4-5 компонентов. Внутри процессуальной парадигмы глаголов конкретного физического действия существуют различные «вариации», особенно для выражения «опредмеченного ряда действий». Данная словообразовательная категория выражена различными словообразовательными средствами, как аффиксальными, так и безаффиксальными. Самую малую словообразовательную нагрузку несут модальные, вспомогательные глаголы, а также глаголы чувств и отношения.

Выявленные словообразовательные парадигмы, включающие в свой состав идентичные словообразовательные ряды, позволили установить регулярность и организованность деривационных отношений внутри подсистемы отглагольных существительных.

Самый регулярный характер имеет трехместная парадигма: глагол – опредмеченное действие – агент действия. Этот факт указывает ещё раз на высокие словообразовательные потенции частотных глаголов и подтверждает тезис о том, что действие предполагает всегда агента. Выявленная нами регулярность в образовании трехместной парадигмы свидетельствует о том,

что дихотомия действие-агент, агент-действие имеет богатую выраженность на словообразовательном уровне.

Отглагольные существительные со значением опредмеченного действия, агента действия, инструмента действия, места действия составляют одну общую парадигму – парадигму процессуальности, которая занимает особое место в подсистеме отглагольных существительных. Словообразовательная парадигма имеет организованную структуру, характеризующих глаголов и заданными словообразовательными значениями.

Подавляющее большинство глаголов образует трёхкомпонентную парадигму, включающую в свой состав агент-лицо, что позволяет считать сему антропонимичность одной из основных в семантической структуре частотных глаголов.

Решающим условием для реализации словообразовательных потенциалов глагола является семантическое соответствие словообразовательного значения и лексического значения производящего глагола.

Несмотря на продуктивность частотных глаголов в образовании словообразовательной категории «агента действия», в речи для выражения данной категории, часто употребляется местоименно-соотносительные структуры. Комплексный анализ словообразовательных способов, во французском языке, действующих в процессуальной парадигме глаголов с наибольшей частотой употребления, позволил выявить богатство и многообразие средств словопроизводства в данной подсистеме. Внутри словообразовательной процессуальной парадигмы действуют различные способы образования: суффиксация, словосложение, конверсия, субстантивация причастий. Анализ функционирования данных способов в каждом словообразовательном ряду процессуальной парадигмы частотных глаголов помог установить сферу действия каждого способа в отдельности.

Суффиксация является основным способом оформления процессуальной парадигмы: словосложение, которое близко к суффиксальному способу по своим структурным параметрам, занимает регулярно только две позиции в парадигме – позицию инструмента действия и агента действия – подавляющее большинство сложных слов относится к данному словообразовательному ряду; конверсия продуктивна лишь в одном ряду парадигмы – в ряду опредмеченного действия; конверсивные производные отличаются своей многозначностью и высокой степени опредмечивания – приобретением вторичных конкретных значений. Что касается субстантивации причастий, то этот способ действует регулярно в оформлении пациента, образуя вместе с суффиксальным способом парадигму с противопоставлением страдательности и активности, а также в ряду производных со значением опредмеченного действия.

Функциональный подход к изучению семантики производных разного способа образования в подсистеме отглагольных существительных помог

установить определённые семантические параллели между суффиксацией и субстантивацией причастий. Все исследуемые словообразовательные способы, оформляющие категориальные значения – опредмеченное действие, агент действия, бенефициент, инструмент действия, место действия находятся в отношениях взаимодействия и взаимозависимости.

Изучение коррелирующих отношений глагол-имя во французском языке может быть отправной базой для рассмотрения подобного рода реляционных связей в других европейских языках, особенно в немецком, где словообразующее моделирование является исключительно продуктивным средством языкового обогащения.

Библиография

- Gougenheim, G., *Dictionnaire fondamental de la langue française*, Paris, 1975.
Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française, Paris, 1976.
Grand Larousse de la langue française, Paris, 1972-1978, v. 1-7.
Арутюнова, Н. Д., *О понятии системы словообразования*, НДВШ ФН, 1960, № 2, с. 24-32.
Бережан, С. Г., *Семантическая эквивалентность лексических единиц*, Кишинёв, 1973.
Чинчлей, Г. С., *Соотношение минимальных значимых единиц языковой структуры /морфема, монема, темема/*, Кишинёв, 1975.

Тексты

- Vazin, H., *Chapeau bas*, Paris, 1963.
Dictionnaire des mots sauvages (écrivains des XIXe et XXe siècles), par Rheims M., Paris, 1969.
Mauriac, Fr., *Un adolescent d'autrefois*, Paris, 1969.
Nigremont, G., *Aubusson ville déchirée*, Paris, 1975.
Queneau, R., *Une histoire modèle*, Paris, 1966.
Sagan, F., *Le Garde du cœur*, 1968.
Simenon, G., *Le Petit Saint*, Paris, 1965.
Simenon, G., *La prison*, Paris, 1968.

Recuperări

Mircea Ioniță

(03.08.1941, Sturzeni, Rîșcani –
28.12.2002, Bălți)

Studii: Institutul Pedagogic de Stat din Bălți, Facultatea Limbi Străine, specialitatea *Limba franceză* (1962). Doctor în științe filologice (1972). Lector superior universitar, conferențiar universitar la Catedra de limba franceză, apoi la Catedra de filologie franceză (1962-2001). Șef la Catedra de limba franceză (1964-1965), șef la Catedra de filologie franceză (1987-2000). Profesor universitar (1995). Publicații: 3 monografii, 7 manuale, 5 traduceri, peste 50 de articole științifice.

От теории предложения – к теории текста¹

До недавнего времени в языкознании бытовало мнение, что предложния – самое крупное сочетание единиц, подлежащее лингвистическому изучению (Dressler 1970: 191-213). Таким образом, считалось, что предложения являются языковой единицей высшего порядка, так как в нем диалектически переплетаются идеальное и материальное, рациональное и эмоциональное, лексическое, грамматическое и интонационное (Банару 1975: 4). Поэтому предложение служило обширным предметом исследования т. е. были изучены интонационный статус этой единицы (Zwanenburg 1965), ё содержательные и композиционные аспекты, глубинные и поверхностные структуры (Адмони 1964: 23-33), информационное членение (Блох 1975: 16-19), формальное и семантические аспекты (Иртеньева 1975: 29-33).

Однако не все лингвисты считают, что предложение является единицей языка высшего порядка. Так, Э. Бенвенист пишет: «Предложение – образование неопределённое, неограниченно варьирующееся: это сама жизнь языка в действии. С предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, в мир языка как средства общения, выражением которого является речь» (Бенвенист 1974: 139). По мнению Э. Бенвениста, предложение принадлежит речи. «Предложение, пишет он, единица в силу того, что оно является сегментом речи, а не в силу того, что оно противопоставляется другим единицам того же уровня. Но предложение является полной единицей, которая имеет одновременно и смысл и референцию: смысл потому, что оно несёт смысловую информацию, а референцию – потому, что

¹Text reproduc după: Ионицы, М., *Глоссарий контекстуальных связей*, Кишинев, Штиинца, 1981, стр. 5-13.

.....
оно соотносится к соответствующей ситуации. При общении людей общей как раз является определенная соотношенность к ситуации без чего коммуникации как таковой не происходит: ведь даже если смысл и понятен, а референция не известна, коммуникация не имеет места» (*ibidem*: 139-140).

Такого же мнения придерживается и В. А. Звегинцев, который считает, что предложение является основной единицей речи. Согласно В. А. Звегинцеву, «законченность смысла и привязанность к ситуации является определяющими для предложения. Ситуативность предложений приводит к тому, что каждое из них приобретает качество новизны и вместе с тем уникальности, неповторимости» (Звегинцев 1976: 181). Автор подтверждает свою мысль одним «текстом» (в данном случае термин «текст» был использован условно, так как текст – совершенно искусственен), в котором предложения семантически не связаны между собой и всё-таки он считаются предложениями, потому что имеют грамматическую оформленность, законченность, интонацию и т. д. Однако эти предложения находятся вне конкретного приложения, они «не выполняют прямого назначения всякого речевого акта – не передают никакой мысли, которая всегда конкретна, всегда ситуативна, всегда нацелина на определённый предмет – каким бы абстрактным он бы ни был сам по себе» (*ibidem*: 185). В. А. Звегинцев называет псевдопредложениями подобного рода слепки с предложений без функций предложений; они принадлежат языку (*ibidem*: 186). Псевдопредложения являются предметом изучения и описания нормативных грамматик и исследований, описывающих всякого рода синтаксических явления.

Следует отметить, что использование псевдопредложения для объяснения каких-либо грамматических явлений не всегда дает достоверные результаты. Примером такого утверждения может послужить следующее псевдопредложение: *Et porte s'est refermée* (G. Simenon). В данном примере перед словом *porte* (дверь) отсутствует артикль. Ни одна нормативная грамматика не регистрирует такого случая отсутствия артикля. В подобной ситуации отсутствие артикля можно мотивировать лишь тогда, когда данное псевдопредложение станет действительно предложением, т.е. когда мы его включим в ситуацию: *On m'a bousculé plus fort et, comme je résistais, on m'a envoyé un coup de poing en plein visage et porte s'est refermée* (G. Simenon). Автор не употребляет артикль перед словом «дверь», чтобы подчеркнуть мгновенность совершения действия. Никак нельзя объяснить значение дейктических форм, временных форм или артикля, используя только предложения.

Мы вполне согласны с мнением Э. Бенвениста и В.А. Звегинцева, что предложение является единицей речи, а не единицей языка. Однако необходимо добавить, что предложение является минимальной единицей речи.

Э. Бенвенист считает, что предложение является максимальной единицей речи и оно не может быть интегрантом никакой другой единицы более высокого уровня, так как пропозициональной функции, в какую можно было

бы употребить предложение, не существует (Бенвенист 1974: 138). Это объясняется, по мнению учёного, «прежде всего той особенностью, которая присуща только предложению и отлечает его от всех других единиц, т.е. предикативностью» (*ibidem*). Он относит предложение к «категорематическому уровню», а это означает, что предложение может только предшествовать какому-нибудь другому предложению или следовать за ним, и, следовательно, группа предложений не образует единицы высшего уровня по отношению к предложению. «Языкового уровня, расположенного выше категорематического уровня, не существует» (*ibidem*), – утверждает Э. Бенвенист.

Между тем никак нельзя согласиться с этим утверждением Э. Бенвенист, так как «существующие определения предложения рассматривают его лишь в одной – синтагматической плоскости, что не дает возможности выделить предложения как различимые единицы особого уровня со своими отчетливыми признаками. Для того чтобы достичь, надо поставить предложения в те же условия, в которых находится единицы других уровней» (Звегинцев 1976: 169). Итак, следует установить для предложений не только синтагматические, но и парадигматические отношения, т.е., как считает В. А. Звегинцев, «надо найти для предложений более высокий уровень, в котором они могли бы идентифицироваться» (*ibidem*). Таким уровнем является связный текст, или дискурс, и мы полностью разделяем мнение В. А. Звегинцева, что «предложение вне дискурса не существует, так как не существует морфем вне уровня слова и т.д.» (*ibidem*: 172). Следовательно, существует уровень, стоящий выше, чем предложение, – связный текст или дискурс.

По этому поводу П. Хартман пишет: «Языковые знаки проявляют себя только, если они связаны текстом; они могут иметь смысл только как связанные единицы; связанные текстом знаки – это текстобразующие или передающие содержание текста знаки [...]. Все носители языка [...] говорят только текстами, а не словами и не предложениями, по крайней мере, предложениями из слов в объединенных текстах» (Hartmann 1965: 110-119).

Такого же мнения придерживаются З. Шмидт, Х. Вайнрих, Е. Аркаини и другие лингвисты. Так, З. Шмидт считает, что «текстология является основной характеристикой речи и что носители любого языка говорят не словами, не предложениями, а только текстами» (Schmidt 1973: 127). Х. Вайнрих утверждает, что «мы обычно говорим не разрозненными словами, а предложениями и текстами, и наша речь базируется на ситуациях» (Weingrich 1966: 15). Е. Аркаини подчёркивает, что даже при чтении текста существует взаимодействие между читателем и автором текста, и читатель может прокинуть в смысл текста лишь рассматривая его в целом (Arcaini 1976: 334).

Обращение к тексту – не случайное явление, это обращение ко всей общественной реальности языка: языковые элементы проявляют себя полноценно только будучи связанными, т.е. когда они актуализируются (Балли 1955: 48).

Допуская существование уровня, расположенного выше предложения – связного текста, или дискурса, – лингвисты пытаются определить это явление и дать ему толкование. Так как этот уровень ещё мало изучён, вполне естественно, что существуют разные определения понятия связного текста. Одни лингвисты рассматривают текст как *a priori* данное понятие, другие определяют текст, отграничивая это понятие от близких, подчас смежных и в тоже время специфических понятий. Третье направление поисков связано с попыткой определения дифференциальных признаков текста (Горшкова 1979: 342).

Рассмотрим некоторые определения понятия связного текста. И. Р. Гальперин, например, считает, что текст – это сообщение, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа; оно состоит из ряда особых единств, объединенных разными типами лексической, грамматической и логической связи, и имеет определённый модальный характер и прагматическую установку (Гальперин 1974: 72). Из этого определения видно, что автор четко различает письменный текст от устной речи, которая «всегда конкретна, однозначна, преднамеренно убеждающая, интонационно недвусмысленна, субъективно актуализирована» (*ibidem* 1974: 73). Далее И. Р. Гальперин дает характеристику текста: «текст – абстрактен, неоднозначен, интонационно многопланово оформлен и может быть подвержен различной интерпретации ...» (*ibidem* 1974: 75). Таким образом, текст и речь – различные явления. Текст – это абстрагированная речь, речь – это овеществленный текст, считают В. Скальчика и В. Я. Мыркин (Мыркин 1976: 93; Skalicka 1961: 3). Ю. М. Лотман под текстом понимает «всю сумму структурных отношений, нашедших лингвистическое выражение ...» (Лотман 1972: 33).

Л. В. Щерба различает в числе трех аспектов языковых явлений «язык»; «речевую деятельность», под которой понимал процессы говорения и понимания; «языковой материал» – «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или иную эпоху жизни данной общественной группы, иными словами – тексты» (Щерба 1965: 363).

Согласно К. Гаузенбласу, текст, образуемый определенной последовательностью компонентов, носит линейный и ограниченный характер, его основу составляют синтагматические отношения (Hausenblas 1971: 31).

М. Пфютце характеризует понятие «текст» следующим образом: «я понимаю под текстом определенно организованную по цели и смыслу совокупность фраз или фразовых единиц, между которыми имеются значимые отношения и/или функции, т.е. структурированное единство, представляющее в сознании в виде лингвистической единицы какое-либо комплексное явление действительности в его относительно законченной смысловой целостности» (Pfützte 1970: 7). Текст, считает Р. Г. Пиостровский, формируется в результате взаимодействия порождающей системы языка, его нормы и узуса, с одной

стороны, и независимо от языка внешней ситуации – с другой (Пиостровский 1975: 30). М. П. Брандес утверждает, что текст можно определить как «употреблённый, как практически применённый язык, как конкретный способ существования языка, т.е. синтез языка и употребления»¹ (Брандес 1977: 145). В вышеприведенных определениях лингвисты употребляют разные термины: «текст», «связный текст», «дискурс». Некоторые исследователи используют другие термины, например, «регистр», «высказывание» и т. д. Все эти термины не однозначны и часто обозначают разнородные явления. Термин «регистр» совпадает с понятием «функциональный стиль», а «высказывание» в большинстве случаев обозначает «сверхфразовое единство» или «сложное синтаксическое целое» (Гальперин 1974: 72-73). Термин «текст» – более общее понятие, чем «дискурс», или «связный текст». Если текстом можно считать последовательность языковых единиц любого порядка, то связный текст состоит из коммуникативных единиц речи (предложений, сверхфразовых единиц и т. д.). Термин «дискурс» в одних работах эквивалентен термину «регистр», в других работах он используется в более широком значении.

Внимательно анализируя все имеющиеся в лингвистике определения понятия «дискурс, или связный текст», можно заметить некоторые общие характеристики этого понятия, а именно: дискурс состоит из коммуникативных единиц речи; все эти единицы находятся в непрерывной смысловой связи; смысловые связи выражаются лексическими, морфологическими и синтаксическими средствами; в основе любого связного текста находятся определенные функционально-семантические категории, которые будут рассматриваться нами далее.

Итак, отмечается, что дискурс состоит из коммуникативных единиц речи. Рассмотрим данную характеристику более подробно и перейдём к анализу структуры дискурса. И по этому вопросу нет единства мнений. Так, В. А. Бухбиндер и Е. Д. Розанов считают, что основной единицей текста является фразовое единство. Наличие или отсутствие фразовых единств дает возможность судить о том, имеем ли мы дело с текстом или же с простой совокупностью фраз, не получившей текстового оформления (Бухбиндер *et alii* 1975: 74).

Г. Я. Солганик считает, что дискурс, или связный текст, членится на сложные синтаксические целые (автор называет их прозаическими строфами), которые в свою очередь распадаются на сенсемантические предложения. Прозаическая строфа, говорит Г. Я. Солганик, – «это группа тесно взаимосвязанных по смыслу и синтаксически предложений, выражающих более полное по сравнению с отдельным предложением развитие мысли» (Солганик

¹Существует еще множество определений понятия «текст». Подробнее ознакомиться с рассматриваемым лингвистическим уровнем можно, прочитав книги *Новое в зарубежной лингвистике*, Москва, 1978 и *Синтаксис текста*, Москва, 1979.

1973: 95). Но такое утверждение, на наш взгляд, не достоверно, так как две или более прозаические строфы могут образовать более крупные единства.

Л. Ельмслев указывает на то, что связный текст может состоять из главы, абзаца и группы предложений (Hjelmslev 1968: 119). Однако отметим, что глава может совпадать со связным текстом по смыслу, с одной стороны, но с другой – она может содержать два или более связных текста.

Некоторые исследователи считают, что вообще процедура сегментации дискурса на его составляющие части является излишней, потому что она проделана уже автором. Так как связный текст продуцируется интонационно оформленными сегментами, каждая из которых не может быть далее расчленена без изменения или потери смысла, в процессе формирования дискурса появляются смысловые паузы (в устном тексте) и знаки препинания (в письменных текстах), отделяющие его части друг от друга. Паузы и знаки препинания передают авторское смысловое членение связного текста на минимальные коммуникативно ориентированные сегменты – «энонсемы» (Борботько 1976: 8-9). Последние могут совпадать с однословными предложениями типа *oui, non, ici, là, moi, où ?* и т.д. с вводными словами или выражениями типа *enfin, bien, sûr, heureusement, à la fin de fin, donc* и т. д., с однородными словами (*les hommes, les femmes, les enfants sont vent me voir*). Однако, как нам представляется, однословные предложения, вводные слова и выражения являются одним из способов выражения функционально-семантической категории связности дискурса и никак не могут быть энонсемами. Кроме того, интонационные паузы и знаки препинания могут быть использованы автором с целью акцентирования каких-либо видов модальности или выделения рем или темы и т. д. – вопросы, которые должны рассматриваться при исследовании функционально-семантических категорий модальности выделения.

Н. Д. Зарубина считает, что любой связный текст состоит из сверхфразовых единств; линейно-синтаксических цепей; цепей предложений, не имеющих характеристик ни сверхфразовых единств, ни линейно-синтаксических цепей; одиночных самостоятельных предложений (Зарубина 1979: 110-111). Такие членение текста основываются, по-видимому, на вида возможных связей между сегментами дискурса, что является предметом изучения одной из функционально-семантических категории связности дискурса.

По нашему мнению, любой связный текст состоит из трёх основных единиц: сложных синтаксических целых, сверхфразовых единств и отдельных несамостоятельных предложений. Сложное синтаксическое целое представляет собой группу тесно взаимосвязанных по смыслу и синтаксически сверхфразовых единств, выражающих более полное по сравнению с сверхфразовым единством развитие мысли. Определение Г. Я. Солганика для прозаической строфы полностью подходит для сверхфразового единства (Солганик 1973: 95).

Анализ конкретных текстов показывает, что в них нет отдельных самостоятельных предложений. Даже те предложения, которые начинают или завершают сложные синтаксические целые и сверхфразовые единства, не являются автосемантическими. Они являются самостоятельными с формальной стороны, а не с семантической. Значение первого предложения – начало сложного синтаксического целого или сверхфразового единства – детализируется, разъясняется и раскрывается в последующих предложениях: имеет место катафорическая связь. Значение пошедшего предложения сложного синтаксического целого или сверхфразового единства, пусть даже сентенционного, мотивируется лишь предшествующими предложениями: налицо анафорическая связь. Иллюстрацией вышесказанному может послужить одно сверхфразовое единство – составная часть сложного синтаксического целого: *Pourtant je l'ai tachée de mon sang. Cette idée me plonge dans le malaise et le délice. Je suis à tel point dénué de toute connaissance d'elle que mes rêves memes ne parviennent pas à la toucher et qu'ils retombent dans leur vide. Même si toute ma vie devait se passer sans que jamais nos mains se rejoignent, si des distances infinies et des ombres insurmontables devaient toujours nous séparer? Il reste néanmoins **que le sang est un fait accompli le sang est un pacte** (L. Dietrich).*

Наличия наречия *pourtant* и местоименного репрезентанта *l'* в первом предложении свидетельствует о том, что самостоятельно о формальной стороны, но связано семантически при помощи анафорической связи с предыдущим сверхфразовым единством. Местоименно-прилагательный репрезентант *cette* и субстантивный репрезентант *idée* включают данное предложение в последующий контекст, который разъясняет и раскрывает смысл предложения. Таким образом, данное предложение с мягким началом (Мистрик 1967: 43-44) не является автосемантическим, так как оно подытоживает смысл предшествующего сверхфразового единства, и его значение детализируется в последующем контексте: оно связано с ними катафорической и анафорической связями. Последнее предложение, которое является сентенционным, – это итог сказанного в предшествующем контексте. Оно связано логически и формально не только с непосредственно предшествующим предложением, но также и с первым (повтор слова *sang*). Изъятое из контекста, последнее предложение выглядит относительно независимым, тогда как в данном контексте помимо обобщающего оно имеет еще актуализованное значение.

В заключение следует отметить, что необходимость установления степени зависимости предложений от контекста (под контекстом имеются в виду сложные синтаксические целые и сверхфразовые единства) и от текста нуждается в дополнительном исследовании.

Библиография

- Arcaini, E., *Tension discursive et analyse linguistique*, in *Studi italiani di linguistica teorica ed applicata*, 1976, nr. 3, p. 334.
- Dressler, W., *Textsyntax*, in *Lingua e stile*, 1970, nr. 2, p. 191-213.
- Hartmann, P., *Zur anthropologischen Fundierung der Sprache*, in *Symbolae Linguisticae in honorem G. Kurylowicz*, Warszawa, 1965, p. 110-119.
- Hausenblas, K., *Vystavha jazykovych projevu a styl*, Praha, 1971.
- Hjelmslev, L., *Die Sprache*, Darmstadt, 1968.
- Pfütze, M., *Grundgedanken zu einer funionalen Text-linguistik*, in *Textlinguistik*, Dresden, 1970.
- Skalicka, V., *Text, context, subtext*, in *Slavia pragensia. Philologica*, 1961, nr. 3.
- Schmidt, S., *Théorie et pratique d'une etude scientifique de la narrativité littéraire*, in *Sémiotique narrative et textuelle*, Paris, 1973, p. 127.
- Weinrich, H., *Linguistik der Lüge*, Heidelberg, 1966.
- Zwanenburg, W., *Recherches sur la prosodie de la phrase française*, Leiden, 1965.
- Адмони, В. Г., *Основы теории грамматики*, Москва-Ленинград, 1964.
- Балли, Ш., *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, Москва, 1955.
- Банару, В. И., *Некоторые вопросы функциональной перспективы предложения*, Кишинёв, 1975.
- Блох, М. Я., *О различении так называемых глубиной и поверхностной структур предложения*, in *Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков*, Ленинград, 1975, стр. 16-19.
- Бенвенист, Э., *Общая лингвистика*, Москва, 1974.
- Борботько, В. Г., *Структурные характеристики дискурса*. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук, Москва, 1976.
- Брандес, М. П., *Синтаксическая семантика текста*. Сборник научных трудов, вып. 112, Москва, 1977.
- Бухбиндер, В. А., Розанов Е. Д., *О целостности и структуре текста*, in *Вопросы языкознания*, 1975, №. 6, стр. 74.
- Гальперин, И. Р., *О понятии «текст»*, in *Вопросы языкознания*, 1974, №. 6, стр. 72.
- Горшкова, И.М., *Дискуссионные вопросы организации текста в чехословацкой лингвистике*, in *Синтаксис текста*, Москва, 1979.
- Иртеньева, Н.Ф., *Информативное членение предложения*, in *Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков*, Ленинград, 1975, стр. 29-33.
- Зарубина, Н. Д., *К вопросу о лингвистических единицах текста*, in *Синтаксис текста*, Москва, 1979.
- Звегинцев, В. А., *Предложение и его отношение к языку и речи*, Москва, 1976.
- Лотман, Ю. М., *Анализ поэтического текста*, Ленинград, 1972.
- Мистрик, Й., *Математико-статистические методы в стилистике*, in *Вопросы языкознания*, 1967, №. 3, стр. 43-44.
- Мыркин, В. Я., *Текст, подтекст и контекст*, in *Вопросы языкознания*, 1976, №. 2, стр. 93.
- Пиотровский, Р. Г., *Текст, машина, человек*, Ленинград, 1975.
- Солганик, Г. Я., *Синтаксическая стилистика*, Москва, 1973.
- Щерба, Л. В., *О троюком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании*, in *Звегинцев В. А., История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях*, том II, Москва, 1965.

Recuperări

Polina Karcevskaia

(20.08.1917, Herson, Ucraina –
16.06.2013, Bălți)

Studii: Institutul de Limbi Străine, Harcov, specialitatea *Limba engleză* (1940). Doctor în științe pedagogice (1968). Profesor de limba engleză la Institutul Învățătoresc (1946-1948). Lector superior universitar, conferențiar universitar la Catedra de limba engleză, apoi la Catedra de filologie franceză (1962-2001). Șef la Catedra de limbi străine, Catedra de filologie engleză (1954-2002). Decan interimar la Facultatea de Limbi Străine (1955-1956). Distincții: 2 medalii de război, medalii jubiliare sovietice.

***К вопросу о транспозиции навыков
(родной и иностранный язык)¹***

Приступал к изучению иностранного языка на первом курсе, студенты уже имеют в своем индивидуальном опыте умения и навыки чтения на родном языке. Поэтому вопрос о том, облегчают ли уже сложившиеся навыки чтения на родном языке формирование аналогичных навыков на изучаемом языке, приобретает большое теоретическое и практическое значение для методики преподавания иностранных языков.

До определения степени взаимодействия умений и навыков родного и иностранного языков представляется целесообразным рассмотреть решение этой проблемы в психологической науке.

Так, С. Л. Рубинштейн считает проблему переноса² одной из центральных проблем в учении о навыках. Возможность переноса рассматривается им не только при общности элементов движений, приемов и способов действия, но и в более широком плане: «Перенос может получиться не только потому, что субъект, находящийся на известном уровне развития, в состоянии *обобщить* достигнутый на определенном частном случае результат и перенести его на другие, но и потому, что в процессе упражнения, приобретшего характер осмысленного, обучения, и благодаря ему субъект развивается, формируется, поднимается на высшую ступень, у него формируются новые качества и создаются таким образом и новые возможности для более успешного действия в дальнейшем» (Рубинштейн 1946: 252).

¹Text reproduș după: *Ученые записки Бельцкого педагогического института*, Бельцы, 1971.

²Имеется в виду «положительный перенос» (транспозиция навыков).

В. И. Ходжава также признает положительное влияние уже готовых, старых навыков на выработку новых. В жизни новые навыки всегда усваиваются на основе уже выработанных ранее, они включают в себя действия, сходные с теми, которые были усвоены при овладении прежними навыками. Однако, как замечает З. И. Ходжава, «Транспозиция не означает простого нахождения субъектом новых навыков и знаний в готовом виде. Транспозиция есть лишь облегчение их выработки под влиянием уже имеющихся старых навыков и знаний, и, как таковая, она проявляется в определенной умственной активности субъекта...» (Ходжава 1960: 32). Далее Ходжава З. И. считает, что «образовавшись в результате овладения письмом на родном языке, умение дает о себе знать при обучении письму на других языках» (*ibidem*: 130).

В. А. Артемов полагает, что „до изучения первого иностранного языка человек говорил на родном языке, не осознавая этого процесса. Изучение первого же иностранного языка заставило его понять, что любой язык имеет фонетику, словарь и грамматику и что он тесно связан с мышлением. В результате этого второй иностранный язык, даже мало похожий на первый, усваивается значительно легче» (Артемов 1958: 366).

Наличие переноса навыков при овладении чтением на иностранном языке признавал и М. Уэст.

У И. В. Карпова мы находим мысли о том, что „развитие у учащихся на начальном этапе обучения иностранному языку умений и навыков чтения зависит в первую очередь от тех умений и навыков, которые учащиеся усваивают, обучаясь на родном языке» (Карпов 1957: 25).

Исследуя устную речь учащихся, Б. А. Бенедиктов и А. П. Сенаторова пришли к выводу, что более высокий темп устной речи на иностранном языке отмечается у тех студентов, у которых имеется высокая скорость родной речи. Однако сама по себе высокая скорость речи на родном языке еще не обеспечивает высокого темпа речи на иностранном языке. Темп речи на родном языке является условием, требующим скорейшего овладения большим темпом речи на иностранном языке (Бенедиктов *et alii* 1957).

На основании рассмотренных работ можно утверждать, что перенос навыков наблюдается прежде всего тогда, когда новые действия имеют много общего с уже приобретенными. Они включают действия, сходные с теми, которые были усвоены при овладении прежними навыками, так как при выполнении вновь изучаемых человек опирается на свой прежний опыт, на уже имеющиеся навыки и умения. Естественно, что большой опыт и большое количество умений способствует более быстрому овладению новыми умениями и навыками.

Это положение приобретает особенно важное значение при обучении иностранному языку, так как существенной опорой при его овладении должны служить умения и навыки, сформированные на родном языке учащихся.

Отсутствие специальных комплексных исследований послужило основной причиной более детального рассмотрения данного вопроса с использованием эксперимента. В задачу последнего входило: анализ скорости чтения студентов на родном (румынском) и иностранном (английском и французском) языках, установление их взаимодействия с тем, чтобы учесть все эти факторы при разработке оптимального варианта для студентов первого курса.

Исследование скорости чтения студентов проводилось в кабинете звукозаписи. Эксперимент носил индивидуальный характер.

Полученные данные были сведены в таблицы, статистически обработаны и выведен коэффициент корреляции по формуле: $6ED^2/\pi(\pi^2-1)$.

Скорость чтения студентов первого курса на родном (румынском) и английском языках

Фамилия испытуемых	Скорость чтения знаков в минуту		Порядковое место		D	D
	родной язык	английс- кий	родной язык	английс- кий		
1	2	3	4	5	6	7
Постолаки	856	516	1,5	2	9,5	90,25
Шлизерман	856	618	1,5	3	1,5	2,25
Антонюк	810	498	4,0	13	9	81
Никитина	810	474	4,0	19	15	225
Фрунзе	810	426	4	23	19	361
Мутрук	780	642	7,5	1,5	6	36
Томова	780	642	7,5	1,5	6	36
Бордияну	780	600	7,5	4	3,5	12,25
Прока	780	546	7,5	7,5	0	0
Фока	750	528	10,5	9	1,5	2,25
Ионесий	750	474	10,5	9	1,5	2,25
Сербушко	720	498	13	13	0	0
Юшан	720	646	13	7,5	5,5	30,25
Бурчу	720	464	13	21	8	64
Егорова	690	582	15,5	5,5	10	100
Олейник	690	582	15,5	5,5	10	100
Бужор	642	582	15,5	5,5	10	100
Припа	642	486	18,5	16	2,5	6,25
Марина	642	474	18,5	19	0,5	0,25
Драгауцан	642	438	18,5	22	3,5	12,25
Бивол	600	486	21	16	5	25

Коэффициент корреляции между скоростью чтения 0,40.

Скорость чтения студентов первого курса на родном (румынском) и французском языках

Фамилия испытуемых	Скорость чтения знаков в минуту		Порядковое место		D	D ²
	родной язык	француз- ский	родной язык	француз- ский		
Молдовану	900	690	1,5	1	0,5	0,25
Фрунзе	900	528	1,5	о	4,5	20,25
Киртоакэ	856	582	3	3	0	0
Чеботару	810	498	4	9	5	25
Болога	780	668	6	2	4	16
Бурлакова	780	546	6	4,6	1,5	2,25
Комендант	760	498	6	9	3	9
Бодан	720	546	8	4,5	3,5	12,25
Кочетарь	690	516	9	7	2	4
Влас	660	498	10	9	1	1

Коэффициент корреляция между скоростью чтения на родном (румынском) и иностранным (французском) языках = 0,46.

Предположение о том, что скорость чтения на иностранных языках студентов и на последующих курсах находятся в зависимости от их скорости чтения на родном языке, было проверено в той же группе студентов на втором курсе. Ниже приводится таблица.

Скорость чтения студентов второго курса на родном (румынском) и английском языках

Фамилия испытуемых	Скорость чтения знаков в минуту		Порядковое место		D	D ²
	Родной язык	Английский	Родной язык	Английский		
1	2	3	4	5	6	7
Постолаки	856	636	1	18,5	17,5	306,25
Шлизерман	810	774	3,5	1,5	2	4
Антонюк	810	774	3,5	1,5	2	4
Никитина	810	744	3,5	5,5	2	4
Фрунзе	810	684	3,5	11,5	8	64
Мутрук	780	660	7,5	15,5	8	64
Томова	780	660	7,5	15,5	8	64
Бордияну	780	744	7,5	5,5	2	4
Прока	780	744	7,5	5,5	2	4
Фока	750	660	10,5	15,5	5	25
Ионесий	750	684	10,5	11,5	1	1
Сербушко	720	594	13	22	9	81
Юшан	720	744	13	5,5	8	64
Бурчу	720	744	13	5,5	7,5	56,25
Егорова	690	636	15,5	20,5	5	25

Олейник	690	684	15,5	11,5	4	16
Бужор	642	744	18,5	5,5	13	169
Припа	642	660	18,5	15,5	3	9
Марина	642	570	18,5	23	4,5	20,25
Драгауцан	642	510	18,5	24	5,5	30,25
Бивол	600	636	21	20,5	0,5	0,25
Цыгуля	582	714	22	9	13	169
Погонец	564	636	23	18,5	4,5	12,25
Гинкота	526	684	24	11,5	12,5	156,25

Коэффициент корреляции 0,41.

У некоторых студентов скорость чтения на английском языке превышает скорость чтения на родном языке. В нашем эксперименте для того, чтобы проследить зависимость скорости чтения на иностранных языках от скорости чтения на родном языке, сравнивался темп чтения на родном языке на первом курсе и на иностранном на втором. Можно предположить, что скорость чтения студентов и на родном языке стала несколько выше и, безусловно, превышает скорость чтения на иностранном.

В учебной практике, как правило, контролируется подготовленное чтение студентов (опрос на занятиях, экзаменах).

Учитывая важность и неизученность вопроса соотношений скорости подготовленного чтения для методики преподавания иностранных языков, нами был предпринят эксперимент, результаты которого приводятся ниже.

Скорость чтения знакомого и незнакомого текста на английском языке студентами I курса

Фамилия испытуемых	Скорость чтения знаков в минуту		Порядковое место		D	D ²
	родной язык	английский	родной язык	английский		
1	2	3	4	5	6	7
Постолаки	426	399	23	21	2	4
Шлизерман	564	474	6	12	6	36
Антонюк	528	474	12	12	0	0
Никитина	564	546	6	3	3	9
Фрунзе	564	438	6	16,5	10,5	110,25
Мутрук	516	564	14,5	2	12,5	156,25
Томова	600	528	2,5	5	2,5	6,25
Бордияну	564	516	6	7,5	1,5	2,25
Прока	564	438	6	16,5	10,5	110,25
Фока	462	516	21,5	7,5	14	196
Хабаров	641	528	1	5	4	16
Сербушко	516	462	14,5	14	0,5	0,25
Юшан	600	582	2,5	1	1,5	2,25

Бурчу	546	486	9,5	9,5	0	0
Егорова	462	486	21,5	9,5	12	144
Олейник	486	474	18,5	12	6,5	42,25
Бужор	498	420	16,5	19,5	3	9
Припа	486	426	18,5	18	0,5	0,25
Марина	474	420	20	19,5	0,5	0,25
Драгауцан	528	354	12	22	10	100
Бивол	528	528	12	5	7	49
Цыгуля	498	450	16,5	15	1,5	2,25
Погонец	546	324	9,5	23	13,5	182,25

Коэффициент корреляции между чтением знакомого и незнакомого текста = 0,43.

Скорость чтения знакомого и незнакомого текста на английском языке студентами 4 курса

Фамилия испытуемых	Скорость чтения знаков в минуту		Порядковое место		D	D ²
	родной язык	английский	родной язык	английский		
1	2	3	4	5	6	7
Зац	706	666	2	2	0	0
Иовчева	708	708	2	1	1	1
Барбаниягрэ	708	585	2	8,5	6,5	42,25
Милянуну	684	630	4	4,5	0,5	0,25
Ковурлуяну	666	618	5,5	6	0,5	0,25
Иванов	666	600	5,5	7	1,5	2,25
Курерару	648	648	8	3	5	28
Бивол	648	858	8	10	2	4
Гугулан	648	630	8	4,5	3,5	12,25
Мацарина	618	585	10,5	8,5	2	4
Мунтяну	618	492	10,5	12,5	2	4
Рожко	600	834	12	2	1	1
Самофалова	585	492	13	12,5	0,5	0,25

Коэффициент корреляция между чтением знакомого я незнакомого английского текста = 0,74.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает наличие ясно выраженной корреляции¹ (0,40; 0,41; 0,46) между скоростью чтения студентов на родном в иностранном языках, а также между чтением знакомого и незнакомого текста.

¹Коэффициент корреляции от + 0,20 до 0,40 обычно рассматривается как невысокий. Коэффициент корреляции от + 0,40 до 0,70 – ясно выраженная корреляция. Коэффициент корреляции от + 0,70 до 1,00 – высокая степень (Рамуль 1966).

.....
Данные, полученные в результате эксперимента, подлежат глубокому анализу. Однако это выходит за пределы данной статьи.

Библиография

- Артемов, В. А., *Курс лекций по психологии*, Харьковский Госуниверситет, 1958.
- Бенедиктов, Б. А., Сенаторова, А. П., *Некоторые особенности развития устной речи на иностранном языке в процессе обучения*, in *Ученые записки Горьковского Института Иностранных. Языков*, вып. 5, 1957.
- Карпов, И. В., *Методика начального обучения иностранным языкам*, под ред. И. В. Карпова и И. В. Рахманова, Москва, 1957.
- Рамуль, К. А., *Введение в методы экспериментальной психологии*, Тарту, 1966.
- Рубинштейн, С. Л., *Основы общей психологии*, Москва, 1946.
- Ходжава, З. И., *Проблема навыка в психологии*, Тбилиси, 1960.

Recuperări

Albert Mețler

(21.11.1938, Russkaia Șcerbacovka, Volgograd,
Federația Rusă – 06.12.1988)

Studii: Institutul Pedagogic, Leningrad, Facultatea de
Limbi Străine (1966). Doctor în științe filologice (1973).
Conferențiar universitar la Catedra de limba germană (1983-
1988). Șef la Catedra de limba germană (1983-1985).

*Интеграция дихотомических начал языка в коммуникативном
процессе и основные параметры высказывания¹*

Концепция языка, нацеленная на изучение его в реальном функционировании, не согласуется с широко распространенной в современном языкознании точкой зрения на двубъектность, двупредметность языковой онтологии т. е. с разграничением языка и речи. В настоящее время трудно найти другую такую лингвистическую проблему, которая бы получила столько различных, часто взаимоисключающих толкований. И это не случайно, поскольку то или иное ее решение, с одной стороны, оказывает непосредственное влияние на лингвистический анализ, а с другой – в значительной мере предопределяет так общее понимание предмета лингвистической теории, так и методику лингвистического исследования.

Известно, что Ф. де Соссюр, противопоставив языковой системе речь, полагал, что они должны изучаться разными науками: лингвистикой языка и лингвистикой речи. Он, в частности, подчеркивал, что язык и речь «тесно между собою связаны и друг друга взаимно предлагают: язык необходим, чтобы речь была понята производила свое действие; речь в свою очередь необходима для того, чтобы установился язык; таким образом устанавливается взаимозависимость между языком и речью: язык одновременно и орудие, и продукт речи» (Соссюр 1933: 333-334). Как видно, Ф. де Соссюр известные колебания в вопросе о двубъектности языкознания (языковая деятельность, т. е. речь, и система правил этой деятельности, т.е. язык), в принципе не отрицал языковую реальность как единство противоположных, не на мгновение не отделимых друг от друга сторон – знака и значения, материального и идеального, языка и речи, – и осознавал, что существует единая речевая деятельность человека (langage).

Однако в дальнейшем сам Ф. де Соссюр и многочисленные его последователи стали рассматривать язык как строго фиксированную суму правил, т.е.

¹Text reproduc după: *Функционально-семантический аспект языковых единиц разных уровней (Романо-германская филология)*, Межвуз. сб., Кишинев, Штиинца, 1986.

пришли к выводу, что единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя. Именно эти исходные посылки послужили базой для широко разрабатываемого европейскими структуралистами. И не смотря на то, что этой крайней, односторонней концепции были противопоставлены и продолжают противопоставляться различные точки зрения, отстаивающие синтез языка и речи как предмет лингвистики, в современном языкознании все же прочно укрепился на расщепление речевой деятельности человека, т.е. коммуникации, на язык и речь.

Такое положение сложилось в языкознании в силу того, что на фоне всех тех устремлений, которые должны были подтвердить реальность статуса языка как строго фиксированной суммы правил, представляющих собой нечто иное, как теоретическое отвлечение от действительности речи, в значительной мере была преданна забвению языковая деятельность человека. Конечно, теоретическое моделирование вправе абстрагировать то или иное свойство реальной речевой единицы и вписывать его в существующую абстрактную теоретическую модель, но от этого сама модель не становится реальным объектом. Если же данная модель рассматривается как самый реальный объект, то языковая модель превращается в модель чистой формы, которая отображает лишь формальную сторону языка без его смыслового наполнения, что, естественно, противоречит диалектики взаимосвязи содержания и формы.

Содержание представляет ведущую, определяющую сторону во взаимосвязи содержания и формы. Форма модифицируется в зависимости от изменения содержания и конкретных условий его существования. Но и форма обладает относительной самостоятельностью, оказывает обратное активное воздействие на содержание: соответствуя содержанию, она ускоряет дальнейшее его развитие.

Диалектическая противоречивость взаимоотношения содержания и формы особенно отчетливо обнаруживается в процессах становления и развития такого сложного системного объекта, как язык. Он обладает целостностью, обнаруживающейся, с одной стороны, в существовании свойств и закономерностей, которые, характеризуя язык в целом, отсутствуют у отдельно взятых его элементов и связей, с другой – в сложности и иерархичности строения объекта, в наличии нескольких уровней его организации, различного рода взаимозависимостей целого и его частей – причинных, функциональных, генетических, структурных, включая взаимодействие по типу обратной связи (Колшанский 1983).

Диалектический метод изучения языка предполагает, таким образом, не образования языковых моделей как способа создания языкового механизма, функционирующего по своим имманентным законам, а рассмотрение этого механизма в качестве элемента более сложной полиструктурной и полифункциональной системы, охватывающей человека во всем многообразии его связей и отношений с внешним миром. Именно эти связи и отношения

выступают в конечном счете тем главным детерминирующим фактором, который «запускает» все механизмы деятельности, в том числе и речевой. В свое время К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что «ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства, что они – только *проявления* действительной жизни» (Маркс 1964: 449). Это фундаментальное положение должно учитываться любой теорией, претендующей на объяснение действительной природы человеческого общения, которое представляет собой систему целенаправленных и мотивированных процессов, обеспечивающих взаимодействие людей в коллективной деятельности, реализующих общественные, личностные и психологические отношения и использующих для этого специфические средства, прежде всего язык.

Методологически адекватное и философски верное разграничение языка и речи возможно лишь с учетом диалектики единичного и общего, согласно которой любое индивидуальное конкретное явление обладает и абстрактным категориальным свойством, определяющим его принадлежность к соответствующему классу явлений (Колшанский 1980: 140). Подобно реальному движению, которому как процессу свойственны прерывность и непрерывность в неразрывном единстве, любая единица, фрагмент или акт вербального общения представляют собой конкретное и дискретное существование языка, одновременно определяющее любую его единицу как элемент категориальной принадлежности к человеческому языку – атому поразительному и уникальному феномену человеческой психики и познания. И так же, как мысленное вычленение прерывного из единства, представляющего движение, в реальности все-таки предстает как пребывание в единстве с непрерывным, каждый речевой акт должен рассматриваться как воплощение языковой системы. Именно при подобной интерпретации проблемы взаимосвязи языка и речи становятся очевидными и неправомерность расщепления коммуникации на язык и речь, и полное отождествление этих понятий, как это имело место в американском дескриптивизме в его классическом варианте.

Коммуникативный подход к языку требует глобальной интерпретации относительно самостоятельных смысловесных звеньев коммуникации, начиная с предложения и кончая текстом в неразрывном единстве его содержательной и материальной сторон. Вот почему представляется актуальным и оправданным утверждение о том, что «новейшее языкознание во все большей степени склоняется к широкому пониманию предмета лингвистических исследований, к отказу от знаменитого сосюрковского тезиса, в соответствии с которым единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» (Сусов 1983: 3).

Сущность и назначение языка как средства человеческого общения определяются его коммуникативной функцией. Именно она соответствует природе языка и должна быть положена в основу его изучения (Ионицэ 1981: 3). Осознание этого факта привело к тому, что в последние годы как в отечествен-

ном, так и зарубежном языкознании наиболее интенсивно разрабатываются не теории, нацеленные на изучение языка как формальной системы, абстрагирующейся от условий его применения, а теории, рассматривающие язык как средство коммуникативного взаимодействия в рамках социального контекста.

Воспроизводя реальность, язык фиксирует в комбинациях знаков ту или иную информацию о связях и отношениях объектов материального мира (Банару 1980: 7), он в то же время становится существенно отличным от внешней реальности феноменом, поскольку представляет реальные предметы и их отношения в абстрагированном, отчужденном виде. Иными словами, словесный знак как таковой может быть определен только по его логико-гносеологическим параметрам, его вторичная сущность должна рассматриваться как способ существования понятийно-идеальных форм мышления. Положение о том, что структура любого естественного языка должна быть соотнесена со структурой закономерностей существования материального мира, не вызывает в настоящее время никакого сомнения, так как только при этом условии возможно истинное познание. Сама истина может формироваться лишь на основе определенной познавательной и объективно адекватной структуре – суждения. Языковым же выражением суждения может быть лишь структура, которая способна отражать в снятом идеальном виде структуру связей объективных предметов и явлений. Такой структурой должно быть признано, на наш взгляд, высказывание.

Язык фактически начинается с высказываний. С их помощью мы не только передаем собеседникам некоторую совокупность информации – высказывание выполняет чрезвычайно разнообразные функции и обладает весьма сложной природой. Оно выражает суждение, служит определенным целям в речевом акте, передает отношение к сообщаемому (имеет ту или иную модальность) и к тому, кому адресуется высказывание, учитывает условия, в которых осуществляется речевой акт, а также наличие у собеседника общего фонда знаний. Наконец, строя высказывание, мы определенным образом структурируем окружающую действительность, потому что построение высказывания предполагает вычленение из континуума действительности какого-либо его фрагмента – ситуации, которая и становится содержанием высказывания, его «значением». Поэтому с полным основанием можно утверждать, что с помощью высказывания человек во многом ориентируется в окружающем мире. Вот почему центральным компонентом общения должно быть предложение – высказывание, а не слова.

В. А. Звегинцев, критически рассматривал предложенный У. Чейфом механизм отражения в языке действительности, основанный на «словоцентризме» т.е. на признании в качестве основной и ведущей единицы языка слова, отмечает, что «надо учитывать самую простую истину, что человек общается не с помощью слов, а посредством предложений, и, как это, например, показывает пример японской лингвистической традиции, без

.....
понятая слова вообще можно прекрасно обойтись, хотя четко агглютинативный строй этого языка, казалось бы, навязывает исследователю выделение в ряду других уровней языка уровень слова» (Звягинцев 1982: 78).

Слова сами по себе отнюдь не являются определенными по значению, напротив, они, как правило, весьма многозначны, что находит отражение, в частности, в словарях, где большинству слов соответствует множество значений, иногда даже противоположных по смыслу. Более или менее выраженную однозначность слово приобретает только в контексте, причем не в любом контексте, а только в таком, который организован в соответствии с законами вербально-логического мышления. Отдельные слова и словосочетания не образуют высказывания, а возникают в результате разложения последнего, т.е. высказывание не есть арифметическая сумма слов с их значениями, а наоборот, слова с их значениями существуют только как часть контекста в рамках высказывания. По этому поводу А. А. Шахматов писал: «В языке бытие получили вначале предложения, позже путем расчленения предложений, основанного на взаимном их сопоставлении и влиянии, из них выделились словосочетания и слова» (Шахматов 1941: 17).

Существование вещи во взаимосвязях с другими предметами, т. е. истинная сущность ее бытия, раскрывается не номинативными единицами, получаемыми в результате членения высказывания, а самим высказыванием, являющимся интегральным формальным и смысловым единством, в структуре которого создаются условия для фиксации объективных закономерностей взаимосвязи реальных вещей и явлений. В силу этого предложение-высказывание может рассматриваться как однозначный молекулярный элемент коммуникации. Иными словами, в структуре высказывания находит адекватное отображение объективная истина предметов и явлений, что выступает необходимым и решающим условием осуществления любого осмысленного общения.

Язык есть такая материальная звуковая организация, универсальная, глубинная структура которой прямо передает минимальное двухчленное отношение предметов и явлений в виде субъектно-предикативного строения предложения-высказывания. Этот признак является не только существенным, но и необходимым в построении высказывания, поскольку именно он в конечном счете предопределяет изоморфизм структуры мысли и структуры языка в его грамматических единицах. Такая интерпретация синтаксической структуры высказывания полностью соответствует его однозначному коммуникативному характеру.

Перефразируя известное изречение Л. С. Выготского о том, что «мысль не выражается, а совершается в слове» (Выготский 1956: 378), и перенося его на уровень предложения-высказывания, можно утверждать, что *мысль и выражается и совершается* в высказывании. Следовательно, высказывание может быть определено как минимальная единица вербального компонента

.....
коммуникации (текста), синтезирующая коммуникативную природу языка и предметно-информационный аспект значения, обусловленный объективной структурой реальности.

Библиография

- Маркс, К., Энгельс, Ф., *Немецкая идеология*, in *Сочинение*, т. 3, Москва, 1964.
Банару, В. И., *Типы предикации во французском языке*, Кишинев, 1980.
Выготский, Л. С., *Избранные психологические исследования*, Москва, 1956.
Звягинцев, В. А., *Язык и звание*, in *Вопросы Филологии*, 1982, № 1.
Ионицэ, М. П., *Глоссарий контекстуальных связей*, Кишинев, 1981.
Колшанский, Г. В., *Контекстная семантика*, Москва, 1980.
Колшанский, Г. В., *О языковом механизме порождения текста*, in *Вопросы языкознания*, 1983, № 3.
Соссюр, Ф. де., *Курс общей лингвистики*, Москва, 1933.
Сусов, И. П., *К предмету прагмалингвистики*, in *Содержательные аспекты предложения и текста*, Калинин, 1983.
Шахматов, А. А., *Синтаксис русского языка*, Ленинград, 1941.

Recuperări

Guri Polișciuk
(20.09.1924, Beloluti, Lugansk, Federația Rusă – †)

Studii: Institutul Pedagogic, Peatigorsk, Facultatea de Limbi Străine, specialitatea *Limba engleză* (1948). Doctor în științe filologice (1962). Conferențiar universitar la Catedra de limba engleză (1965-1971). Șef la Catedra de limba engleză (1965-1971).

***Синтаксические связи в предложении и словосочетании
(на материале английского языка)***¹

Предложение не представляет цепочного построения, в котором каждый элемент связан только с соседними звеньями. Элементы, составляющие предложение, образуют иерархию, в основе которой лежит предикативное сочетание. Каждая ступень иерархии дополняет значение суммы всех предшествующих ступеней. Так, в предложении *I sent him that letter yesterday* значение предикативного сочетания дополняется словосочетанием *that letter* (в дальнейшем в смысле «дополнять значение» мы будем использовать глагол «относиться»), так как предложения *I sent him* (в значении *я послал ему*), *I sent yesterday* структурно и семантически не полны, грамматически неправильны (или неотмечены). Дополнение *him* относится к объединению предикативного сочетания опрямым дополнением, так как опущение прямого дополнения сделало бы невозможным включение в состав предложения косвенного. обстоятельство времени относится не к глаголу (поскольку нельзя сказать *I sent yesterday*), и не к объединению предикативного сочетания с прямым дополнением, а к сумме всех элементов (*I + sent + that letter + him*). Это ясно видно из того, что хотя опущение косвенное дополнение не мешает включению в состав предложения обстоятельства, ни косвенное дополнение, ни прямое нельзя поменять с ним (обстоятельством) позиций в предложении.

Распределение элементов предложения в иерархии зависимостей не связано (или не всегда связано) с действительным порядком слов в предложении. обстоятельство времени в рассмотренном предложении может занимать позицию в начале предложения, но распределение элементов по ступеням иерархии останется неизменным. Поэтому иерархия элементов предложения является своего рода моделью отношения в предложении. Нам кажется, что распределение элементов в иерархии предложения отражает закономерности объединения словосочетаний в предложении, поэтому отношения между ступенями являются синтаксическими связями на уровне предложения.

¹Text reproduș după: *Материалы итоговой научной конференции преподавательского состава института за 1967 г.*, БГПИ, Кишинев, 1968, стр. 188-190.

Формально эти связи выражаются в обязательном структурном и смысловом соответствии между дополняемой частью предложения и дополняющей.

Принято считать, что в предложении не существует никаких связей, существующих только предложению, что связь в предложении не отличается от связей в словосочетании. Это ведёт к противоречивой трактовке синтаксических связей в предложении и спорам о том, к чему же собственно относится зависимый член группы сказуемого – к глаголу или же к сочетанию глагола с другим членом.

Мысль о предложении как иерархии зависимостей была впервые выдвинута (насколько нам известно) проф. Н. М. Александровым. Однако последний не усматривает в предложении связей помимо связей на уровне словосочетания. Понятие иерархии невозможно обосновать исходя только из синтаксических связей в словосочетании. Поэтому иерархия зависимостей описанная проф. Н. М. Александровым, представляется нам не вполне убедительной, а в некоторой мере противоречивой (Александров 1963).

Кроме связей на уровне предложения, в предложении существуют связи на уровне словосочетания. Словосочетанием мы называем группу из двух или более знаменательных, связанных по смыслу слов, группу, характерную двучленностью и потенциальной способностью сопологаться в предложении. Под потенциальной способностью к соположению мы понимаем способность членов словосочетания сопологаться если не в данном конкретном предложении, то в различных трансформах его (вопросительных, восклицательных, пассивных и др.).

Потенциальную способность к соположению мы считаем мерилем степени связи между членами словосочетания. Эта способность, а следовательно и степень связи может быть определена с помощью статистических методов и выражена в условных единицах или процентах.

Нам кажется небезынтересным следующий проделанный нами опыт определения степени связи между компонентами словосочетаний.

Мы разбили словосочетания на две группы: 1. словосочетания, в которых зависимый член имеет тенденцию занимать позицию перед стержневым словом; 2. словосочетания, в которых зависимый член занимает позицию после стержневого.

Из ряда текстов современных английских авторов мы выбрали все словосочетания интересующих нас типов и подвергли их статистической обработке. Словосочетания, зависимые члены которых имеют тенденцию занимать позицию перед стержневым словом, мы разбили на четыре группы:

а) словосочетания с зависимым членом – наречием, имеющим отрицательное или ограничительное значение (*never, ever, hardly*);

б) словосочетания с зависимым членом – видовым наречием (*often, always* и др.);

в) словосочетания, озависимым членом – наречием образа действия;

г) сочетания глагола с так называемыми модальными словами.

Для каждой группы мы высчитали величину соположения в процентах, величину соположения с позицией зависимого члена перед глаголом (здесь за

100% мы принимали общую величину соположения), величину соположения с предложением (использование зависимого члена в начале предложения). Приводим данные подсчётов (табл. 1).

Данные таблицы позволяют, как нам кажется, судить о степени связи различных групп наречий с глаголом, подтверждают мысль А. И. Смирницкого о том, что положение зависимого слова перед стержневым является в английском языке признаком более тесной связи, доказывают, что модальные слова образуют словосочетание с глаголом, поддерживают мнение лингвистов, считающих неоправданным выделение модальных слов в особую часть речи.

Таблица 1.

Вид словосочетания	Соположение с глаголом в %	Соположение с позицией перед глаголом, в%	Соположение с позицией после глагола, в%	Соположение с предложением в%
Группа А	100	100	-	-
Б	88	74	26	1.5
В	57.4	35	65	10.6
Г	55	77	33	38

Мы произвели подсчет величины соположения с глаголом для прямого дополнения, предложного дополнения, обстоятельств места и времени. За 100% мы принимали в каждом случае общее число всех словосочетаний рассматриваемой группы, встретившихся нам в тексте. Как и в предыдущих расчётах мы исключали из рассмотрения вопросительные, восклицательные предложения, а также предложения в страдательной залоге и краткие ответы на вопрос. Не рассматривались также слова автора при прямой речи.

Таблица 2.

Вид зависимого члена	Величина соположения у разных авторов в %			
	Т. Харди	А. Беннет	Г. Уэлс	Б. Шоу
Прямое дополнение	92	95,4	95	95
Предложное дополнение	56	58,2	68	49
Обстоятельство места	50	63	63	46
Обстоятельство времени	19	25	21	30

Как видно из таблицы, величины соположения рассмотренных членов несильно отличаются у разных авторов. Некоторое исключение в этом отношении составляет язык пьес Б. Шоу. Можно предположить, что для языка художественной прозы величина соположения членов словосочетаний колеблется у разных авторов в таких узких пределах, что фактически ее можно считать величиной постоянной.

Библиография

Александров, Н. М., *Проблема второстепенных членов предложения в русском языке*, in *Ученые Записки Ленгоспединститута им. А. И. Герцена*, том 236, 1963.

Recuperări

Alexandra Rotari

(19.12.1924, Ladâjin, Vinița, Ucraina –
28.12.1991, Bălți)

Studii: Institutul Pedagogic, Odesa, specialitatea *Limba germană* (1951); Institutului Pedagogic „Alec Russo” din Bălți, specialitatea *Limba și literatura rusă* (1961). Doctor în științe filologice (1971). Lector universitar, lector superior universitar, conferențiar universitar la Catedra de limba germană (1954-1996). Șef interimar la Catedra de limba germană (1974-1975). Cursuri ținute: *Gramatica teoretică*, *Istoria literaturii germane*, *Tipologia comparată a limbilor germane și ruse*, *Teoria traducerii*, *Practica traducerii*.

***Некоторые особенности грамматики (морфологии)
немецких публицистических текстов¹***

В настоящей статье делается попытка дать общую характеристику некоторых явлений морфологии немецких публицистических текстов в их газетной разновидности (разумеется, относительно избранных нами подязыков). Одной из возможных методик, которая позволяла бы дать общую картину состояния морфологии немецкой публицистики, является лингвостатистическая методика. Дело в том, что каждый текст, порождаемый языковой системой, обладает определенной статистической структурой. Совокупности текстов, объединяемые в функциональные стили и подязыки, также характеризуются некоторыми статистическими структурами, выступающими в роли суперструктур по отношению к статистической структуре отдельных текстов (Ахманова *et alii* 1961: 86). Опыт показал, что одним из эффективных способов описания лексики и морфологии подязыка как с точки зрения технологии, так и с точки зрения анализа результатов, является составление частотного списка словоформ исследуемых текстов. При проведении нашего эксперимента исследованию подвергались газетные тексты, опубликованные в ГДР и ФГР с 1962 по 1965 год. На основании лингвостатистического обследования 200 текстов (т. е. 200 000 словоупотреблений) был составлен частотный список словоформ немецкой публицистики. Предварительные наблюдения показали, что для подязыков современной немецкой прессы характерна социально-экономическая, политическая, научно-техническая тематика, а также информативные статьи из области спорта, искусства и уголовной хроники. Рекламные тексты и тексты развлекательного характера (кроссворды, загадки, фельетоны, романы, повести и т. д.) исследо-

¹Text reproduș după: *Ученые записки Бельцкого педагогического института* (Иностранные языки), Бельцы, 1974.

ванию не подвергались, так как они неравномерно представлены в прессе ГДР и ФРГ и являются менее типичными для газетной публицистики, чем выше-названная тематика.

Общая характеристика морфологии современных публицистических текстов может быть получена через сравнение добытых нами статистических данных относительно ряда наиболее важных грамматических категорий с аналогичными данными для языка в целом (Meier 1964) и отдельных его разновидностей (Зореф 1967). Однако такое сравнение не всегда удается провести, поскольку необходимые статистические данные либо отсутствуют, либо оказываются полученными по другой методике, что исключает корректное сравнение, поэтому в ряде случаев приходится ограничиваться описанием статистических характеристик отдельных морфологических категорий в рамках публицистических текстов.

При статистической обработке данных по различным грамматическим категориям определяется абсолютная частота и относительная ошибка наблюдения. Достоверными считаются частоты, для которых $\delta \leq 0,3$. Определяются также зоны разброса для частот каждого грамматического явления при сопоставлении частот данного явления в публицистических текстах, с одной стороны, и в сравниваемых совокупностях, с другой.

При проведении морфолого-статистического обследования в каждой части речи выбираются наиболее важные с точки зрения строя немецкого языка грамматические явления. Так, например, для имени существительного приводится статистика рода, числа и падежа. При обследовании прилагательных дается статистика полных форм, в состав которых мы включаем адъективированные причастия в полной форме, а также статистика кратких форм, в состав которых мы включаем собственно краткие прилагательные, качественные наречия, а также модальные слова. Здесь приводится статистика рода, числа, падежа, степеней сравнения имен прилагательных, а также статистика падежных окончаний имен прилагательных, которая имеет принципиальное значение для решения ряда прикладных задач, в частности, для различения грамматической омонимии при машинном переводе и построении оптимальной методики преподавания немецкой грамматики в школе. При обследовании местоимений учтены все основные разряды этой части речи, их категории. У числительных учитываются только количественные и порядковые числительные в буквенном написании. Статистическое обследование глаголов опирается на традиционную морфологическую классификацию, согласно которой выделяются сильные и слабые глаголы, особая группа слабых глаголов, претеритопрезентные глаголы, неправильные глаголы. Определяется также частотность таких основных глагольных категорий как число, лицо, время, залог, наклонение глаголов. При статистическом обследовании наречий выделяются обстоятельственные наречия, количественные наречия, качественные наречия. Качественные наречия, совпадающие по форме с краткими прилагательными, учтены вместе с последними. Особое место уделяется статистике служебных слов.

1. Имя существительное

Имя существительное – часть речи, которая представлена в текстах немецкой публицистики наибольшим количеством словоформ. Оно составляет более $\frac{1}{4}$ всех словоупотреблений обследованных текстов. Следует отметить, что собственные имена (имена лиц, отчества, фамилии) не подсчитывались и в частотный список не вошли. Географические имена охватывают всего 3497 словоупотреблений, что составляет 6,57% всех словоупотреблений имен существительных. При сравнении наших данных с данными Х. Мейера оказалось, что в немецкой публицистике на каждую тысячу словоупотреблений обследованных текстов приходится в среднем 365 существительных и местоимений вместе взятых¹. Вычислим зоны разброса для данных частот²: публицистика $365 \pm 36,5$. Сравним наши данные с данными М. Г. Зорефа: зоны разброса по имени существительному (публицистика – $26,5\% \pm 2,12\%$; электроника – $30,3\% \pm 2,42\%$).

Расчеты показывают, что различия между суммарными частотами по имени существительному в словаре публицистики, в языке в целом (Х. Мейер) и в словаре электроники (М. Г. Зореф) не существенны.

Интересно также сравнить наши данные по имени существительному с данными Л. Н. Иноземцева, который исследовал наличие имени существительного в различных функциональных стилях современного немецкого языка (Иноземцев 1965).

Авторы	% существительных в различных стилях			
	Научно-технический	общественно-политический	Разговорная речь	Беллетристика
1. Л. И. Иноземцев ¹	23,64	28,67	19,90	27,59
2. А. С. Ротарь		26,53		

Как показывают данные таблицы, немецкая публицистика по употреблению имени существительного резко отличается от разговорного стиля и ближе к беллетристическому и научно-техническому стилю. Это и понятно: для этих разновидностей языка в большей степени, чем для разговорной речи, характерен так называемый именной стиль изложения, при котором наряду с указанием на

¹К сожалению, Х. Мейер приводит общую сумму имен существительных и местоимений. Поэтому для сравнения приходится объединить наши статистические данные по существительному и местоимению.

²Зоны разброса рассчитываются следующим образом: пусть частота какого-либо грамматического явления X в публицистических текстах равна 8, а в другой разновидности языка 1, тогда α (немецкой публицистики) = $1,96 = 0,49$; т. е. зона математического ожидания $[M(F)]$ для X (нем. публ.) = $8 \pm 8 \times 0,49 = 8 \pm 3,86$; для другой разновидности языка $\alpha = 1,96$, т. е. зона разброса $[M(F)]$ для X (другой разновидности языка) = $1 \pm 1 \times 1,96$, нижняя граница зоны $[M(F)]$ для немецкой публицистики = 4,14, а верхняя = 2,96. Вывод: зоны разброса данных не накладываются, различия в их распределении существенны и их следует интерпретировать в лингвистическом плане.

.....
конкретные предметы и одушевленные существа рассматриваются и отвлеченные понятия (ср.: *Forderung, Erklärung, Kapitalismus, Sozialismus* и т. д.). Публицистика широко использует отглагольные существительные, обозначающие различные абстрактные понятия (*Bedingung, Beziehungen, Realisierung* и т. д.). Многие из них образуют газетные штампы (*friedliche Regelung der Probleme, eine Niederlage erleiden, die Zielsetzung der Politik, im Auftrag der Regierung, die Zusammenarbeit fördern, mit ... An der Spitze, in einer Verlautbarung der Regierung, Meinungen austauschen, die Zusammenarbeit erweitern, die Festigung des Frieden* и т. д.). В разговорной речи вместо отглагольных существительных используются глагольные формы, а определения, выраженные именами существительными в родительном падеже, как правило, заменяются притяжательными местоимениями или сложными именами существительными (Школина 1965: 64).

В публицистических текстах наиболее употребительными являются существительные женского рода (более 1/3 всех имен существительных). На втором месте стоят имена существительные мужского рода, имеющие главным образом конкретные значения (имена существительные с суффиксами *-er, -ler, -er, -aner, -al, -ent, -ist, -at* и т. д.). Имена существительные среднего рода, являющиеся в основном собирательными именами, названиями действий и результатов действий, наименее употребительны (менее всех имен существительных).

В немецкой публицистике количественно преобладает единственное число имен существительных и местоимений. Оно составляет более 3/4 всех имен существительных и местоимений обследованных текстов. Это, очевидно, объясняется тем, что тексты немецкой публицистики насыщены, как уже отмечалось, абстрактными существительными, для которых форма единственного числа является выражением лексикограмматического значения неисчисляемости или нейтральности к счету (Косякин 1962: 34).

Именительный падеж дает в публицистических текстах достаточно высокую частотность (более 1/4 всех падежных форм имени существительного). Это в основном объясняется синтаксической функцией именительного падежа, который выступает в предложении главным образом в функции подлежащего, а, как отмечает В. Адмони, для немецкого предложения наиболее типичным является двусоставность, причем подлежащее, как правило, выражено именем существительным или местоимением в именительном падеже (Admoni 1960: 99-100). Кроме того, в немецких газетах очень распространена так называемая цепочка номинативов. Это названия различных учреждений, комитетов, комиссий, союзов, объединений, которые вводятся без помощи предлога по модели постпозитивного несвободного приложения: ср.: *ständige Kommission Volksbildung, IG Chemie-Papier-Keramik, Das Expeditionsschiff «Thala Dau», Wirtschaftsterritorium DDR, Beziehungen Finnland-DDR*.

Кроме того, многие немецкие заголовки являются именными предложениями, насыщенными именами существительными в именительном падеже:

DDR-Prozess gegen VVN-Prozess, Höhere Transportleistungen, Hochbauarbeit an Jahresziel, Begegnung mit der Kunst и т. д.

Большая частотность дательного и винительного падежей возникает, очевидно, за счет широкого употребления предлогов, управляющих дательным, и винительным падежом, а также за счет очень продуктивных в немецком языке моделей именных и отглагольных предложенных групп (Строева 1968: 6-16).

Наименее употребительным в немецкой публицистике оказался родительный падеж. В современном немецком языке глаголов, управляющих родительным падежом, мало, и все они малоупотребительны (*bedürfen, gedenken, barren, sich erfreuen* и т. д.). Как известно, живой продуктивной моделью в немецком языке является модель: имя существительное + имя существительное в родительном падеже, но и эта конструкция часто заменяется, очевидно, под влиянием разговорной речи, предложными конструкциями с различными предлогами. Ср.: *Die Errichtung von Kontrollposten, Die Verbreitung von Atomwaffen, Die Friedenskräfte für die Realisierung des Rapackplanes, Symbole der Freundschaft* и т. д.

2. Имя прилагательное

Имя прилагательное занимает третье место после глагола по употреблению словоформ в текстах немецкой публицистики и покрывает около $\frac{1}{10}$ словоупотреблений обследованных текстов. Сравним наши данные по имени прилагательному с данными М. Г. Зорефа. Зоны разброса: немецкая публицистика – $8,83\% \pm 8,83\% \times 0,01\% = 8,83\% \pm 0,0883\%$; немецкая радиоэлектроника – $7,6\% \pm 7,6\% \times 0,02\% = 7,6\% \pm 0,152\%$.

Как показывают подсчеты, зоны разброса не накладываются и различия в распределении суммарных частот в сравниваемых подъязыках существенны. В подъязыке немецкой электроники имена прилагательные менее употребительны, чем в немецкой публицистике. Теперь сравним наши данные с данными Х. Мейера¹. В языке в целом, по данным Х. Мейера, только около 25% существительных имеют имена прилагательные, в немецкой публицистике около 30% имен существительных, употребляющихся вместе с прилагательным-эпитетом. Х. Мейер считает, что разброс употребления имен прилагательных при имени существительном в текстах различной тематики и у различных авторов чрезвычайно велик. Самое большое количество препозитивных прилагательных было им обнаружено в поэтических текстах, что связано с использованием имен прилагательных для выражения экспрессивных оттенков в виде различных эпитетов. Поэтому в художественной литературе мы встретим несравненно больше прилагательных, выступающих в роли «украшающих слов», чем в пу-

¹К сожалению, Х. Мейер не дает в своей работе общей частоты всех имен прилагательных. Он приводит только процентные данные по употреблению полных имен прилагательных перед именами существительными.

блицистике или научном стиле. Вместе с тем следует отметить, что в немецкой публицистике обнаружено значительное количество относительных прилагательных, относящихся к общественно-политической и научной терминологии. Некоторые из них обладают высокой частотностью (*ökonomisch, sozialistisch, sowjetisch, politisch, technisch* и т. д.). А в некоторых полухудожественных жанрах немецкой газеты (репортаж, фельетон, глосса) нередко можно встретить так называемые «модные» прилагательные суперлативного характера (*absolut, außerordentlich, total, ungewöhnlich, kolossal, attraktiv, prima* и т. д.) Здесь сказывается влияние разговорной речи.

Итак, можно утверждать, что публицистика в смысле использования прилагательных занимает промежуточное место между научно-техническим стилем – с одной стороны и беллетристическим, а также разговорной речью – с другой. В данной количественной примете публицистики отражается специфика этой разновидности языка, которая при общей тенденции к отвлеченности и номинативности изложения не чуждается некоторых экспрессивных приемов, характерных для художественной и разговорной речи.

3. Имя числительное

Имя числительное в буквенном написании составляет всего 0,52% обследованных словоупотреблений. При сравнении наших данных с данными М. Г. Зорефа оказалось, что как в немецкой публицистике, так и в немецкой электронике удельный вес имени числительного очень мал. Это говорит о том, что как подязыку немецкой публицистики, так и научному стилю не свойственно употребление имен числительных в буквенном написании. Очевидно, это связано с экономией места при оформлении газетных материалов или научной статьи.

4. Глагол

По употреблению словоформ в немецкой публицистике глагол занимает второе место после имени существительного. Сравним нашу суммарную частоту по глаголу с данными М. Г. Зорефа. Зоны разброса: немецкая публицистика – $14,9\% \pm 0,149\%$, немецкая электроника – $14,0\% \pm 0,14\%$.

Как показывают расчеты, различия в употреблении глаголов в сравниваемых стилях несущественны. Основную массу глагольных словоформ составляют слабые глаголы. Это соответствует распределению глагольных форм в языке в целом, так как слабые глаголы являются единственным продуктивным типом спряжения в немецком языке. Неправильные глаголы, несмотря на их незначительное количество, также имеют довольно большой статистический вес среди глагольных форм. Это связано с тем, что в эту группу входят все вспомогательные глаголы, служащие для образования аналитических временных форм глагола, которые в публицистических текстах имеют довольно высокую частотность.

В текстах немецкой публицистики ведущее место занимает изъявительное наклонение (около 87% всех глагольных форм). Среди временных форм по

всем наклонениям на первом месте стоит презенс. Широкое использование форм презенса соответствует основной информативной цели газетного материала: как можно точнее и яснее информировать читателя о текущих событиях. Особенно часты формы презенса в таких газетных жанрах как глоссы, репортажи, интервью, рецензии, а также в заголовках и в текстах научно-технического характера. Довольно высокая частотность претерита (около 28,09% всех временных форм глагола) объясняется, очевидно, тем, что эта форма характерна для отрывков из речей, посвященных описанию событий из общественно-политической жизни страны. Претерит встречается в большинстве случаев там, где нужна подробная, развернутая информация о событиях в прошлом. На третьем месте по употребительности временных форм оказался перфект (25,52% всех временных форм глагола).

Чаще всего перфект в немецкой публицистике используется в начале очерков, статей, сообщений. С помощью перфекта автор вводит читателя в общий контекст и ситуацию, связывая тем самым повествование с событием, относящимся к прошлому¹. Перфект используется и там, где изложение материала ведется в форме диалога. Здесь видно влияние разговорной речи, так как перфект является обычной формой прошедшего времени в разговорной диалогической речи. Вместе с тем в ряде случаев публицистическая речь избегает употребления перфекта. Он редко встречается в относительном употреблении в сочетании с формой настоящего времени или с формой футурума I. Следует также отметить замену перфекта имперфектом или эллиптическим предложением с причастием II в заголовках. Ср.: Jemens Präsident in der Sowjetunion eingetroffen; Präsident Goulart richtete eine Botschaft an das brasilische Parlament; Neue Zeit (Donnerstag, 17. März 1964).

Такое употребление причастия II без вспомогательного глагола является определенным стилистическим приемом, который используется для привлечения внимания читателя. Здесь сочетается также лаконичность формы и экспрессия выражения. Остальные временные формы для обследованных текстов немецкой публицистики не характерны.

Формы сослагательного наклонения примерно в семь раз менее употребительны, чем формы изъявительного наклонения. В публицистике широко используется способность конъюнктива в сочетании с глаголами высказывания (*betonen, berichten, melden, meinen, erklären* и т. д.) и без них передавать различные оттенки чужого высказывания. Особенно часто встречается конъюнктив в косвенной речи в материалах полемического характера. В других функциях (передача условия, предположения, нереальных фактов и т. д.) конъюнктив в немецких газетных текстах встречается значительно реже. Формы повелительного наклонения, как и следовало ожидать, оказались для публицистических текстов не характерными.

¹Ср. также выводы (Школина 1965: 27).

Действительный залог составляет всего 73 переходных глаголов.

Страдательный залог употребляется в два раза чаще, чем действительный, причем наиболее употребительной является двучленная конструкция (около 75% всех пассивных конструкций).

Значительное использование пассивного залога в немецких газетных текстах связано с тем, что в публицистических текстах широко используются построения с неназванным коллективным деятелем (правительства, органов государственной власти, политических группировок, различных общественных организаций, предприятий и т. д.). Кроме того, в газетных материалах преобладают пассивные конструкции там, где рассматриваются вопросы техники, промышленности, сельского хозяйства, политики, торговли. Здесь внимание читателя концентрируется на различного рода действиях, процессах и способах их осуществления, указывается сфера протекания отдельных процессов и т. д. Сам же производитель действия, если он не называется, представляется важным не сам по себе, а лишь исходя из данного действия – как его реализатор (Тур 1963: 122).

5. Наречие

Наречие составляет около 5% словоупотреблений обследованных текстов. При сравнении наших данных с данными М. Г. Зорефа оказалось, что различия в распределении частот наречия в сравниваемых совокупностях не существенны. Наиболее употребительными в обследованных текстах оказались наречия времени (около 45% всех наречий) и количественные наречия (около 22% всех наречий).

6. Местоимение

Местоимение охватывает около $\frac{1}{9}$ всех словоупотреблений обследованных текстов. Среди всех видов местоимений наиболее употребительны личные местоимения, особенно формы 3-го лица единственного и множественного числа, притяжательные и относительные, неопределенные и неопределенно-личные местоимения.

Как известно, личные местоимения являются заменителями имени существительного и используются как определенное стилистическое средство, дающее возможность избежать монотонности, однообразия, назойливого повторения одного и того же слова. Следует также отметить, что первое лицо единственного числа в обследованных текстах практически не употребительно, так как публицистика, как правило, носит агитационный характер и обращена к массам, поэтому здесь избегают использовать первое лицо единственного числа. Значительную частотность притяжательных местоимений можно объяснить их соотнесенностью с личными местоимениями. Неопределённые и неопределенно-количественные местоимения представляют собой группу местоимений, обладающую самым разнообразным составом грамматических категорий. Некоторые из словоформ этих местоимений очень употребительны в

обследованных текстах (*man, alle, andere, viele, beide, jeder*). Другие, напротив, имеют незначительный статистический вес (*jemand, manche, irgendein* и т.д.).

Особо следует отметить значительный статистический вес таких местоимений как *es, man, sich*, что объясняется широким использованием в публицистических текстах различных конструкций с этими местоимениями.

Следует также отметить, что местоимения более употребительны в публицистических текстах, чем в технических.

7. Артикль

Распределение частот рода, числа и падежа у артикля повторяет количественно соотношение этих категорий у имени существительного, а именно:

а) наиболее употребительным является женский род имени существительного и обоих артиклей;

б) преобладают формы именительного и винительного падежа имени существительного и обоих видов артиклей;

в) единственное число имени существительного и артиклем составляет более 70%.

Сравнение наших данных с данными М. Г. Зорефа показывает, что различия в статистике употребления артикля в публицистике и научно-технических текстах существенны. Сравним зоны разброса: немецкая публицистика – $14,9\% \pm 14,9\% - 0,01 = 14,9\% \pm 0,149$, немецкая электроника – $16,33\% \pm 16,33\% - 0,01 = 16,33\% \pm 0,163$.

Отсюда можно сделать вывод, что артикль более употребителен в технических разновидностях немецкого языка, чем в публицистике. Дело в том, что технические стили имеют более ярко выраженный номинативный характер, а это, в свою очередь, связано с использованием специальной научной и технической терминологии (Кульгав 1964).

Определенный артикль в текстах немецкой публицистики в пять раз более употребителен, чем неопределенный артикль. Очевидно, такой количественный разрыв в употреблении определенного и неопределенного артикля в обследованных текстах можно объяснить, исходя из тех различных грамматических и семантических функций, которые выполняют эти виды артикля в современном немецком языке (Бужко 1956).

8. Предлог

Предлоги составляют $\frac{1}{10}$ всех словоупотреблений обследованных текстов (см. табл. 1, 19).

Сравним наши данные по предлогу с данными М. Г. Зорефа. Зоны разброса: немецкая публицистика – $11,92\% + 11,92\% - 0,01\% = 1,92\% + 0,119\%$, немецкая электроника – $12,73\% + 12,73\% - 0,01\% = 12,75\% \pm 0,127\%$.

Расчеты показывают, что различия в распределении частот значительны. Это говорит о том, что в подязыке немецкой электроники больше различных предложных конструкций, чем в немецкой публицистике. Подавляющее

.....
большинство предлогов, управляющих дательным и винительным падежом (*in, an, auf, über, vor, unter, zwischen*), а также предлоги, управляющие дательным (*mit, von, zu, aus, bei nach*) и винительным (*über, für, durch, gegen, bis, ohne*) падежом, оказались высокочастотными словоформами и входят в первую зону частотного словаря. Среди предлогов, управляющих родительным падежом, наиболее частотны *innerhalb, während*. У остальных предлогов этого типа частоты недостоверны.

9. Союз

Союзы составляют немногим более 6,17% словоупотреблений. Из сочинительных союзов наиболее употребительны *und, oder, aber, denn, auch*. Все они высокочастотны и относятся к первой зоне частотного словаря. По сравнению с сочинительными союзами подчинительные союзы менее употребительны. Они составляют всех словоупотреблений союзов. Так как сочинительные союзы служат для выражения сочинительных связей, то можно утверждать, что для публицистических текстов более характерна сочинительная связь, чем подчинительная. Из подчинительных союзов наиболее частотными оказались союзы времени, дополнительные, сравнительные и причинные, что свидетельствует о значительном употреблении соответствующих видов придаточных предложений. Остальные подчинительные союзы имеют в обследованных текстах незначительный удельный вес.

10. Частицы и междометия

В текстах подъязыка немецкой публицистики встретилось всего 11 словоформ частиц, которые покрывают 3142 словоупотребления. Наиболее употребительны из них *nicht, zu, um, da, ja*. Остальные частицы имеют очень малый статистический вес.

Всего встретилось 4 словоформы междометий, которые покрыли 15 словоупотреблений. В текстах немецкой электроники частицы и междометия встречаются также редко.

Выводы

Подводя итоги статистическому исследованию морфологии немецкой публицистики в ее газетной разновидности, можно выделить следующие особенности немецких публицистических текстов:

1. Для современных немецких публицистических текстов характерна номинативная форма изложения. Этот «номинативный стиль», присутствие которого в книжных разновидностях немецкого языка отмечалось многими исследователями (П. Бауш, К. Даниель, Т. Мюллер, Е. Ризель, И. Вайнбрут и многие другие), обнаруживается в публицистике по следующим количественным приметам:

а) по преобладанию именных форм в словнике (78%) и тексте (40%), примерно эти процентные величины обнаруживаются и в научно-технических текстах;

б) по употребительности детерминативов (различного рода артиклей, слияний артиклей и предлогов, местоимений, предлогов);

в) по высокой употребительности форм дательного и винительного падежа, что вместе с употребительностью предлогов сигнализирует о широком использовании именных групп.

Номинативность немецких публицистических текстов сочетается с тенденцией к абстрагизации, обобщению, что проявляется не только в выборе соответствующей лексики, но и также в преобладании единственного числа у существительных и других именных словоформ над множественным.

2. Для языка современной немецкой публицистики характерна тенденция к некоторому ограничению в употребительности глагольных форм. Редко используются формы плюсквамперфекта, футурума, несколько отстывает перфект, формы конъюнктива используются в основном в косвенной речи. Наиболее частыми формами являются презенс и претерит актив, презенс и претерит пассив, употребление которых связано с характерной для публицистики тенденцией к использованию построений с неназванным коллективным деятелем.

3. Для публицистических текстов характерно преобладание сочинительных союзов над подчинительными, что свидетельствует о преобладании сочинительной связи над подчинительной.

4. В современных сопоставительных исследованиях не раз указывалось на то, что одни и те же функциональные стили разных европейских языков обнаруживают иногда больше сходства, чем разные функциональные стили одного и того же языка (А. Мальбланк, Г. Барт, У.Т. Винау, Х. Вебер и др.). Эта интуитивная гипотеза в случае, если бы она подтвердилась, открыла бы важные перспективы в исследовании формы содержания языка (Ельмелев 1960: 316-318). Значительный шаг по пути проверки этой гипотезы могло бы дать сопоставление статистических данных по одним и тем же функциональным стилям разных языков, при условии, что эти данные получены путем применения к текстам одной и той же статистической методики. К сожалению, такой изоморфизм в статистической методике – явление очень редкое. В частности, наша статистика вместе со статистикой М. Г. Зорефа может быть сопоставлена только с квантитативными результатами, полученными относительно дако-романских языков Л. И. Ешаном и И. Г. Маткашем¹. Сопоставление этих данных обнаруживают следующие сходства во всех четырех разновидностях:

а) имя существительное составляет во всех частотных списках более половины словоформ, но оно покрывает только около трети всех обследованных словоупотреблений четырех подязыков;

б) глаголы и прилагательные составляют $\frac{1}{5}$ всех словоформ, но покрываемость ими текстов везде ниже;

¹См. (Ешан 1966)

в) остальные классы словоформ во всех словарях имеют незначительный удельный вес, но покрываемость предлогов, местоимений, артиклей, союзов во всех сравниваемых подъязыках довольно высокая.

5. При сравнении одинаковых разновидностей (стилей, подъязыков) различных языков обнаруживаются значительные сходства в статистике распределения частей речи, а именно:

а) количество словоформ существительных (59,65% и 57,6%), глаголов (19,25% и 18,3%), прилагательных (18,1% и 18,9%), наречий (1,46% и 1,51%), предлогов (0,17% и 0,13%), союзов (0,12% и 0,12%) в словнике немецкой и молдавской публицистики примерно одинаковы;

б) в немецкой и молдавской публицистике менее употребительны предлоги (0,17% и 0,13% против 0,21% и 0,36%), союзы (0,12% и 0,12% против 0,20% и 0,31%), числительные (0,31% и 0,50% против 0,52% и 0,78%), чем в немецкой и румынской радиоэлектронике. Очевидно, в научно-технических текстах вообще более сложное построение именных групп и предложений, что диктуется сложным концептуальным содержанием этих текстов.

Одновременно обнаруживаются и заметные расхождения в статистике немецких и дако-романских частей речи, что можно отнести за счет различий в строе этих языков. Например:

а) количество словоформ артиклей в немецкой публицистике и в немецкой электронике намного меньше количества артиклей в молдавском и румынском языках, но покрываемость намного больше. Это, разумеется, не случайно. Ведь в румынском языке кроме неопределенного артикля используется притяжательный и адъективный артикль. В немецком же языке используется только определенный и неопределенный артикль, зато употребление последних гораздо шире, чем в романских языках;

б) в немецкой электронике 64,6%, а в румынской электронике 50,2% существительных;

в) в немецкой электронике 12,4% прилагательных, а в румынской 24,3% прилагательных.

6. При сравнении различных разновидностей (стилей, подъязыков) одного и того же языка обнаружены значительно большие различия в распределении частей речи в их словниках, чем при сравнении одних и тех же разновидностей (стилей, подъязыков) в различных языках. Например:

а) в немецкой публицистике существительных 59,65% против 64,6% в электронике, прилагательных 18,1% против 12,4% в электронике, наречий 1,46% против 2,15% в электронике, предлогов 0,17% против 0,21% в электронике, союзов 0,12% против 0,20% в электронике;

б) в молдавской публицистике существительных 57,6% против 50,2% в электронике, прилагательных 18,9% против 24,3% в электронике, глаголов 18,3% против 20,4% в электронике, наречий 1,51% против 2,64% в электронике;

ке, предлогов 0,13% против 0,36% в электронике, союзов 0,12% против 0,31% в электронике.

Нетрудно заметить, что сходство однотипных разновидностей, функциональных стилей и подъязыков разных языков проявляется не в словарной, а в текстовой статистике. Словарная же статистика будет близка для различных разновидностей одного и того же языка. Это говорит о том, что для текстовой статистики различие в содержании в рамках одного и того же языка более существенно, чем различие в языках, так как подъязык разных языков отражает одну и ту же содержательную сферу, в то время как разные подъязыки в рамках одного и того же языка отражают разные содержательные сферы.

Можно ожидать, что дальнейшие статистические исследования покажут, что при сравнении специальных подъязыков, принадлежащих разным языкам, сходства на уровне формы содержания окажутся более существенными, чем различия на уровне формы выражения.

Библиография

- Admoni, W., *Der deutsche Sprachbau*, Ленинград, 1960.
- Meier, H., *Deutsche Sprachstilistik*, Hildesheim, 1964.
- Ахманова, О. С., Мельчук, И. А., Падучёва, Е. В., Фрумкина, Р. М., *О точных методах исследования*, Москва, 1961.
- Божко, Л. И., *Артикль в современном немецком языке*, Москва, 1956.
- Ельмелев, Л., *Прологомены к теории языка*, in *Новое в лингвистике*, I, русский пер., Москва, 1960, стр. 314-318.
- Ешан, Л. И., *Опыт статистического описания научно-технического стиля румынского языка (на материале текстов по радиоэлектронике)*. Канд. дисс., Ленинград, 1966.
- Зорев, М. Г., *Частотный словарь по радиоэлектронике (рукопись канд. дисс.)*, Кишинев, 1967.
- Иноземцев, Л. Н., *Емкость группы имени существительного в современном немецком языке*, Автореферат канд. дисс., Ленинград, 1965.
- Косякин, А. М., *Категория числа имен существительных в современном немецком языке*, Автореф. канд. дисс., Москва, 1962.
- Кульгав, М. П., *Основные стилевые черты и синтаксические средства их реализации в современной немецкой научно-технической речи*, Автореф. канд. дисс., Москва, 1964.
- Страхова, Н. П., *Употребление артикля в современном немецком языке*, Канд. дисс., Москва, 1948.
- Строева, Т. В., *Сопоставительная статистика надежных словоформ имени существительного в немецком и русском языках*, in *Иностранные языки в школе*, Москва, 1968, № 5, стр. 6-16.
- Школина, К. В., *Zeitungssprache stilistisch gesehen* (пособие по стилистике), Москва, 1965.
- Тур, В. И., *О значении грамматической категории залога в современном немецком языке*, in *Вопросы лексикологии и грамматики иностранных языков*, Минск, 1963, стр. 122.

Recuperări

Ion Smirnov

(28.12.1934, Dulepino Ivanovo, Federația Rusă –
23.04.2013, Bălți)

Studii: Institutul Pedagogic de Stat din Bălți, Facultatea de Limbi Străine, specialitatea Limba franceză (1956). Angajat al Universității de Stat „Alec Russo” din Bălți din 1956: lector universitar, lector superior universitar, conferențiar universitar la Catedra de limba franceză. Doctor în filologie (1975). Șef la Catedra de vorbire și fonetică franceză (1965, 1969-1972), șef la Catedra de limba franceză (1972-1981), șef interimar la Catedra de filologie franceză (2004-2006). Decan la Facultatea Limbi Străine (1984-1988). Distincții: 1 medalie (în studenție) „Pentru valorificarea pământurilor de țelină”; insigna „Eminent al învățământului” (URSS).

*Quelques aspects de difficultés de traduction*¹

1. Les difficultés d'ordre sémantique. Si on parle des difficultés d'ordre sémantique, alors il est nécessaire de concentrer notre attention sur la polysémie, les expressions phraséologiques, l'équivalence, la transmission des noms propres, etc.

La polysémie est un obstacle que l'apprenant aussi bien que les traducteurs doivent franchir afin de dégager une interprétation conforme aux intentions du texte source. Tout d'abord l'aire d'extension des hétéronymes peut être différente parce que le découpage de la réalité peut être plus analytique dans une langue par rapport à une autre.

Ainsi le roumain se sert de deux mots dérivés différents pour exprimer l'action et le résultat de l'action ou l'état, tandis que le français emploie le même mot; il y a donc focalisation:

aranjare ————— arrangement
 aranjament ————— arrangement

Dans certains cas, la distance sémantique entre les deux mots focalisés est plus grande:

Consum ————— consommation
 Consumație ————— consommation
 Consumare ————— consommation

Puis dans la majorité des cas, on peut choisir correctement l'hétéronyme en fonction de la distinction référentielle, il n'existe pas moins des locutions automatisées dans lesquelles le choix n'est dicté que par l'usage, ex.: *A pune pe cineva pe*

¹Text reproduit după: *Tradiție și modernitate în abordarea limbajului*. Materialele Colocviului Cememorativ Internațional consacrat aniversării a 65-a de la nașterea prof. Mircea Ioniță, Bălți, Presa universitară bălțeană, 2006.

picioare – remettre qqn sur pied; A avea plumb în picioare – avoir les jambes molles. Parfois les ressources du roumain sont plus grandes que celles du français. Par exemple: le mot français *bouquet* peut avoir en roumain plusieurs équivalents: *buchet, pâlc, legătură, mănunchi.*

Un autre problème, c'est celui des expressions phraséologiques, car c'est justement ici que les traducteurs rencontrent beaucoup de difficultés: elles sont spécifiques à une langue donnée, voilà pourquoi on ne peut pas toujours trouver des équivalents adéquats dans une autre langue. Dans les expressions phraséologiques le mot perd son indépendance et se traduit seulement dans le cadre de l'expression. Voilà pourquoi la traduction des phraséologismes se soumet aux règles particulières:

A) Si dans la langue cible il y a des équivalents constants de l'expression à traduire, alors on doit les employer obligatoirement. Telles peuvent être les expressions venues de la même source: de la mythologie antique (le cheval de Troie – Calul Troian), des textes religieux (la Tour de Babel – Turnul Babel), ou ce sont des emprunts des autres langues (le secret de la Polichinelle – secretul lui Polișinel). Les équivalents peuvent être des expressions de provenance différente, mais formées de la même sorte. Équivalent d'une expression phraséologique peut être un seul mot.

B) Si l'expression phraséologique a plusieurs significations, alors on choisit l'équivalent d'après le contexte.

C) Si l'expression phraséologique n'a aucun équivalent lexical ou l'équivalent a un spécifique tellement nationalisé qu'il ne peut pas être employé dans la traduction, alors il faut utiliser la traduction littérale.

D) S'il n'y a pas d'équivalents et la traduction littérale n'est pas tout à fait claire, alors on doit faire appel aux explications, aux traductions descriptives (Гак 1980: 214).

Les proverbes, les dictons, les aphorismes sont considérés aussi des phraséologismes. Ils se traduisent comme un tout entier.

Du point de vue de la traduction on peut classer les proverbes et les dictons en trois groupes:

1. Qui ont des équivalents adéquats dans la langue cible:

«Ce qui naît de chatte, mange des souris». «Ce naște din pisică șoareci mănîncă». (Istrati 1967a: 118-119). «Jusque chez Dieu, on peut être dévoré par les Saints!» «Până la Dumnezeu te mănîncă Sfinții!» (*ibidem*: 94-95). «La forêt verdoyante ne manque pas de branches sèches». «Nu e pădure fără uscături». (Istrati 1967b: 244-245).

2. Qui ont des équivalents qui conviennent d'après le sens:

«Je ne sais pas quoi faire de ma peau». «N-am nici un rost în viață». (*ibidem*: 156-157).

3. Qui n'ont aucun équivalent et alors on arrivera à une traduction «mot-à-mot»:

«Parle selon ta façon de t'habiller; ou habille-toi selon ta façon de parler». «Ori vorbește cum ți-e portul, ori te poartă cum ți-e vorba». (*ibidem*: 142-143) (Гучькова 1964: 50).

Mais la stabilité des unités phraséologiques ne peut pas toujours résoudre le problème de l'influence sur l'auditoire. Voilà pourquoi souvent l'auteur cherche à

donner aux phraséologismes un autre aspect pas tout à fait habituel pour les lecteurs et pour les auditeurs, à changer son aspect formel. C'est une violation de l'intégrité des unités phraséologiques, car cela contribue à la décomposition des phraséologismes. Mais n'importe quel changement phraséologique ce soit, il est justifié. Charles Bally a affirmé que la violation des formes habituelles de la langue sert indirectement à l'expressivité de ce qui introduit de la diversité dans la langue. (*Tempađu perevodčuka* 1976: 70).

Ainsi, par exemple, en changeant un terme d'une expression phraséologique ou d'un aphorisme, par un autre mot, on arrive à une transformation radicale, ex.: «La religieuse malgré elle». «Călugăriță fără voie». (Istrati 1967b: 128-129).

2. Les difficultés d'ordre socioculturel. Un autre obstacle, on peut considérer que c'est la traduction des réalités et des noms propres.

Dans la transmission des réalités, il est nécessaire d'utiliser quelques moyens: la translittération: *domnitza – domnița, tzap – țap, nalouca– năluca, doines – doine* etc.; la traduction approximative: *mizericordioasă – miséricordieuse, doamnă – madame, japân – maître* etc.; calque: *mațe-fripte – le ventre-creux, coate-goale – le malotru, un scîrță-scîrță pe hîrtie – un gratte-papier* etc. (Тучькова 1964: 40).

La traduction descriptive: *candelă – la veilleuse de l'icône, daraveri-mille affaires à régler* etc. Chacun de ces moyens a ses avantages et désavantages. Ainsi, la translittération garde le coloris du texte, mais parfois il demande des commentaires, si les mots ne sont pas trop explicites pour le lecteur. La traduction approximative est tout à fait claire, mais elle affaiblit les particularités nationales du texte original. La création d'un mot nouveau à l'aide du calque, n'est pas toujours possible. Quant à la traduction descriptive, elle est employée seulement dans le cas où le lecteur a besoin d'une explication.

La traduction des noms propres a son spécifique à part. Voilà pourquoi c'est très difficile de choisir correctement le moyen de leur traduction pour pouvoir garder à la même fois la couleur locale.

Les noms propres d'habitude ne se soumettent pas à la traduction, ils sont plutôt transcrits. Mais les noms propres qui ont une signification à part peuvent être traduits: *Tache-pantofaral – Take-le-Cordonnier, popa Zăbava – Père Traînard, Bursuc – le père Blaireau, Podul-de-Pământ – Chaussée de Terre* etc.

Les noms des journaux, des magazines et les noms des théâtres gardent leurs formes d'habitude. L'association des signes linguistiques à la réalité environnante subit les contraintes d'un faisceau de facteurs tels que les conditions sociales et historiques dans lesquelles s'est développée la communauté en question, l'expérience linguistique et culturelle, les contacts avec les autres communautés etc.

Les modalités de transfert du culturel concernent les termes marqués du point de vue civilisationnel (particularités locales: coutumes, croyances, culture matérielle: plats spécifiques, vêtements, monnaies, mesures de longueur etc.) ou des particularités géographiques. Ces unités peuvent se ramener aux types généraux suivants:

– l'unité source marquée et traduite par une unité qui évoque une autre réalité: «Mă târăsc de-a bucelea pe schele și mă pomenesc din nou aici ...» «J'avance à quatre pattes sur l'échafaudage et me retrouve de nouveau ici ...» (Caragiale 1962: 47-93);

– le traducteur substitue l'unité source avec une autre unité: «... că-i sarea ochelarii de pe ochi și giubenul din cap de auzea câinii din Giurgiu», «... Je lui aurais fait valiser son lorgnon et son gibus amener les cabots, d'ici jusqu'au Danube». (*ibidem*: 11-51);

– le terme marqué est traduit par un correspondant fonctionnel: «Cosea galoanele la mondirul lui nea Chiriac.» «... Elle cousait les galons sur la tunique à m'sieu Kiriac.» (*ibidem*: 17-59);

– le terme marqué est neutralisé: «București 15/27 Răpciune.» «Bucarest, le 15/27 Septembre». (*ibidem*: 19-61).

La principale difficulté à laquelle se heurte le traducteur est la non-correspondance des variétés de langue socio-situationnelles.

Une deuxième difficulté résulterait donc de la non-équivalence des termes appartenant à des registres considérés comme équivalents, et l'équivalence de termes appartenants à des variétés non équivalentes.

Dans ces deux oeuvres Panait Istrati ne recourt pas à la traduction des termes propres à la culture roumaine, il fait appel plutôt à la translittération.

La structuration linguistique de la réalité environnante est, pour une large part, dépendante de la civilisation de la communauté émettrice. Se plaçant dans une perspective sociolinguistique, l'étude de la dimension périlinguistique de la traduction devient une composante essentielle de l'activité de tout traducteur.

Pour un traducteur, l'intérêt que présente l'étude des zones fortement idiomatisées, réside surtout dans la découverte des procédés indirects lui permettant de retransmettre les connotations socioculturelles.

La fausse interprétation des faits de langue conditionnés historiquement conduit à des incongruences stylistiques. L'opacité des structures qui portent l'empreinte de ces conditions spécifiques est l'un des plus grands obstacles qui se dresse devant le traducteur. «Apprendre une langue signifie deux choses: apprendre la structure et les mots de cette langue, mais aussi apprendre la civilisation, la culture de cette langue, ce qui est tout autre chose. De là viennent les difficultés dues à l'apprentissage corrélatif des situations dans lesquelles sont utilisés les mots et les structures de cette langue». (Mounin 1995: 162).

3. Les difficultés d'ordre stylistique. Pour donner une traduction adéquate et originale d'un texte artistique, le traducteur doit premièrement faire connaissance avec le style de l'auteur. On peut dire que c'est justement dans ce domaine que les traducteurs rencontrent les plus grandes difficultés. La traduction des tropes, notamment celle de la métaphore, présente une assez grande difficulté pour les traducteurs, même pour les traducteurs chevronnés.

Il convient pourtant de préciser que dans ce domaine il est risqué de viser à l'exhaustivité, le champ de la vigurativisation ne se laissant pas borner.

Chaque auteur a sa manière d'écrire, son langage individuel. Ainsi les métaphores et les métonymies individuelles donnent une image vive, qui doit être transmise dans la traduction aussi:

<i>Ca în camera ta să vin</i>	<i>Mais pour arriver dans ton monde</i>
<i>Să te privesc de-aproape</i>	<i>Et te regarder ainsi</i>
<i>Am coborât cu-al meu senin</i>	<i>Je renaquis des eaux profondes</i>
<i>Și m-am născut din ape.</i>	<i>Où mon serin descendit.</i>

(Eminescu 1984: 163-255).

Dans cet exemple, on voit que la métonymie a été transmise dans la langue cible, mais son effet n'est pas le même. Les tropes perdent beaucoup de leur signification. Il y a des cas où ils manquent dans la langue cible:

<i>Să ne privim nesățios</i>	<i>Que nos regards toujours s'épanchent</i>
<i>Și dulce toată viața</i>	<i>Doucement toute la vie.</i>

(*ibidem*: 169-260)

Dans cet exemple, on peut observer que la métaphore disparaît. Presque la même peut arriver aux autres figures de style aussi.

Un autre obstacle dans le processus de la traduction constitue les interjections et les onomatopées. On ne peut pas les traduire sans conteste car, elles expriment différentes émotions:

Asta-i! Una vorbim și basca ne-înțelegem.

(Caragiale 1962: 10-50).

Dans les oeuvres artistiques, on rencontre des verbes et des noms formés d'interjection, par le moyen de dérivation, en joutant des suffixes. Ce sont d'habitude les verbes et les noms provenus des cris des animaux, des oiseaux etc. Dans la traduction, il faut les substituer par les équivalents de la langue cible.

Bibliographie

Mounin, G., *Linguistique et traduction*, Paris, Seghers, 1995.

Гак, В., *Курс перевода*, Москва, Изд-во Международные отношения, 1980.

Тучькова, Т. А., *Пособие по переводу с французского языка на русский*, Москва-Ленинград, Изд-во Просвещение, 1964.

Тетради переводчика, Москва, Изд-во Международные отношения, 1976.

Textes littéraires

Caragiale, I. L., *Oeuvres*, Bucarest, Méridien-Édition, 1962 (textes traduits sous la direction de Simone Roland et Valentin Lipatti).

Eminescu, M., *Luceafărul*, București, Editura Cartea românească, 1984.

Istrati, P., *Oeuvres choisies. Présentation des haidoucs*, vol. III, București, Editura pentru literatură, 1967.

Istrati, P., *Oeuvres choisies. Domnitza de Snagov*, vol. IV, București, Editura pentru literatură, 1967.

NOUA REVISTĂ FILOLOGICĂ
Norme de redactare

1. Prezentarea manuscrisului
Materialele vor fi predate sau trimise redacției prin poșta electronică, redactate în PS Word / Windows, generația 1998 și urm., Times New Roman, precum și într-un exemplar printat.
2. Dimensiuni acceptate – max. 30.000 semne (1200 semne/pagină);
3. **Rezumatele:** Articolele vor fi însoțite de două rezumate: unul în limba originalului și altul într-o limbă de circulație internațională. Rezumatele nu vor depăși 700 de semne.
4. **Titlul** va fi scris în limba originalului și într-o limbă de circulație internațională.
5. Textele vor fi însoțite de **cuvinte-cheie** (7-17), scrise în limba originalului și într-o limbă de circulație internațională.
6. Forma articolului
 - 6.1. Structura articolului
 - **titlul lucrării** – minuscule, 14, bold, centrat,
 - Prenumele și NUMELE autorului/autorilor, la 1 rând distanță de titlu, în partea dreaptă a paginii – 12, bold,
 - textul – 12,
 - referințele bibliografice, la un rând distanță de text,
 - rezumatul lucrării în una din limbile de circulație internațională, la 1 rând distanță de bibliografie – 11,
 - afilierea, la 1 rând distanță de rezumat – 11, italice.
 - 6.2. Reguli de ierarhizare
În cazul divizării conținutului articolului, acesta se va face prin numerotarea capitolelor și a subcapitolelor potrivit sistemului decimal, fie că se optează pentru inserarea de titluri și subtitluri sau nu.
În cazul în care, în interiorul capitolelor sau subcapitolelor, sunt necesare enumerări sau ierarhizări de exemple, se pot întrebuița următoarele tipuri de notare:
 7. (I), (II), (III) etc.
 8. (A), (B), (C) etc.
 9. (1), (2), (3) etc.
 10. (a), (b), (c) etc.
- 10.1. Normele ortografice
Pentru articolele scrise în limba română, normele ortografice sunt cele din DOOM.
- 10.2. Caractere tipografice
11. MAJUSCULELE se folosesc potrivit regulilor ortografice standard ale limbii în care este redactat articolul și la scrierea numelui autorului;
12. *italicele* se folosesc pentru indicarea caracterului de exemplu a unui cuvânt sau sintagmă și la notarea cărților și articolelor citate în text sau bibliografie;
13. spațierea se folosește pentru reliefarea unui concept;
14. **aldinele (bold)** se întrebuițază la scrierea titlurilor și subtitlurilor.
 - 14.1. Bibliografia
Fiecare articol sau studiu este însoțit obligatoriu de o Bibliografie, care conține lucrările citate, inserate în ordine alfabetică a numelui autorului, fără a fi numerotate.
Pentru diferite varietăți de titluri, colaboratorii sunt rugați să respecte modelele de mai jos:
Adam, Jean-Michel, *Lingvistica textuală. Introducere în analiza textuală a discursurilor*, Iași, Editura Institutul European, 2008.

.....
Petrescu, Camil, *Ultima noapte de dragoste, întâia noapte de război*, *Opere*, vol. I, II, București, Editura Minerva, 1979.

Blaga, Lucian, *Spațiul mioritic*, în *Trilogia culturii*, București, Editura de Stat pentru Literatură și Artă, 1969.

Hall, Robert Jr., *The „neuter” in Romance: a pseudo-problem* în *Word*, 1965, 21, p. 21-427.

14.2. Citarea și referințele

15. citatele se dau între ghilimele, nu se folosesc italice;

16. referințele în text se dau între paranteze, indicându-se numele autorului, anul ediției operei și pagina, conform modelului: (Coșeriu 2000: 98).

16.1. Notele de subsol

În notele de subsol se dau, de regulă, informații mai ample (citate, explicații etc.).

Notele de subsol se numerotează începând cu 1 și se inserează automat prin Word.

16.2. Scheme și tabele

Schemele și tabelele fac parte din text. Este preferabil ca acestea să fie realizate în programul Word.

**UNIVERSITATEA DE STAT „ALECU RUSSO” DIN BĂLȚI,
FACULTATEA DE LITERE**

Specialități

Licență

Limba și literatura română și limba engleză / germană / franceză / spaniolă

Limba și literatura rusă și limba română / engleză

Limba și literatura ucraineană și limba română

Jurnalism

Științele comunicării

Limba și literatura engleză și limba franceză / germană / spaniolă

Limba și literatura franceză și limba engleză / germană / spaniolă

Limba și literatura germană și limba engleză / franceză / spaniolă

Limba engleză și limba germană / franceză, traducători

Limba franceză și limba germană / engleză, traducători

Limba germană și limba engleză / franceză, traducători

Masterat

Tehnologii și principii educaționale moderne în limbile străine

Didactici moderne ale disciplinelor filologice (română / rusă)

Didactica literaturii universale

Didactica limbii române în școala alolingvă

Didactica limbii străine (franceza / engleza)

Limbi moderne aplicate (franceza / engleza)

Contact:

Telefon: (231) 5-24-72

E-mail: facultate.litere@gmail.com

Web: <http://www.usarb.md/facultati/filologie/>

<https://www.facebook.com/litere.usarb>

